

УЛЫБАЙСЯ

СОБРАНИЕ МИНИАТЮР

Валентин Одоевский

ПЕРЕИЗДАНИЕ
В никуда
Шахматы!

16+

Валентин Одоевский

Улыбайся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63970851

SelfPub; 2021

Аннотация

В жизни всегда есть место истории, пусть даже простой, но, в то же время, очень значимой. Сколько людей – столько и историй, и каждая по-своему интересна. Это переиздание, полюбившегося многим, сборника миниатюр, с двумя новыми произведениями и некоторыми правками старых...

Содержание

У ЯСЕНЯ	4
МЕЛАНХОЛИЯ	8
НОВЫЙ ГОД	12
КОТ	18
В ЧУЖИХ ОКНАХ	25
ДВОЕ У ОКНА	34
НЕМОЙ АДРЕСАТ	45
СОБЕСЕДНИК, КОТОРОГО НЕТ	60
ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ГОРОДА	71
ОДИНОЧЕСТВО	85
УЛЫБАЙСЯ	95
В НИКУДА	104
ШАХМАТЫ	115

Валентин Одоевский

Улыбайся

У ЯСЕНЯ

Обычный осенний день. Быть может, даже солнце светит. Где-то на зелёной травке (хотя, кого я обманываю – не трава там, а опавшие листья) под высоким ясенем одиноко сидит человек (это я, если что) и с неподдельным таким удивлением говорит сам себе: «Нифига себе!»

И сразу же возникают два вопроса: что я, собственно, забыл у этого самого ясеня, и чему я так сильно удивляюсь?

Если честно, то, отвечая на первый вопрос, скажу – я и сам не знаю, как там оказался! Конечно, сейчас могут начать говорить что-то в духе: «Бухать меньше надо!» Но поймите меня правильно, я человек в трезвом уме и здравой памяти (а может наоборот? – не помню), только, вот, как я оказываюсь под ясенем – хоть убейте не помню. Да и надо ли?

Что же касается второго вопроса, то скажу, я, вообще, такой человек, который старается особо не думать. Сейчас объясню. Вот, начинаю я размышлять хоть о чём-нибудь, да даже об искусстве эпохи Возрождения, как мои думы, если можно так выразиться, резко меняют направление..., и я

вдруг осознаю и понимаю, как же всё скверно и несправедливо, как же всё в этом брэнном мире несовершенно, а ведь и сделать-то толком ничего нельзя... Понимая это, я поражаюсь и говорю себе: «Нифига себе!», и... оказываюсь у ясеня...

Когда же я не думаю (очень удобно, кстати!) всё кажется таким замечательным и хорошим, жизнь оказывается такой лёгкой и, я б даже сказал, воздушной! Вот осознаю я это, понимаю, как прекрасен этот мир и говорю себе: «Нифига себе!», и... где вы думаете я оказываюсь...? Опять же у ясеня. Вот же аномалия, а! И главное, – ведь, я даже не понимаю, как я туда попадаю – всё происходит незаметно (видимо это действие у меня отработано до совершенства, хотя, какое тут действие, – загадка даже для меня).

А ведь, между прочим, почему я оказываюсь именно у ясеня? Почему не у берёзы или, на худой конец, не у сосны? Видимо, что-то меня в нём привлекает (хотя я не ботаник). А вот что? Его высота или роскошная крона, чем-то напоминающая голову Александра Блока? А может могущество ствола или огромная тень, что он образует, и в которой постоянно одна и та же температура? Тут, пожалуй, я и сам-то не отвечу. Похоже, что яшень тоже удивляется (он же живой, верно?) только тому уже, как я удивляюсь. Хм... неплохо звучит: «удивляется тому, как удивляется» ...

Тем не менее, возникает ещё один вопрос: вот оказался я по одной из этих причин у этого самого ясеня (кстати, все-

гда у одного и того же), что я там делаю? Знаете, сложно сказать... видимо, просто сижу, опершись на ствол и, как Штирлиц в том анекдоте, ищу двоеточие... И, понимаете, такое чувство безысходности, как будто, все дороги ведут к ясеню. Кстати, что удивительно, в обыденной жизни я это самое дерево найти не могу.

И даже сейчас, я пишу эти строки и вдруг осознаю, а ведь ясень для меня, что-то вроде отдушины, ибо всякий раз, как я там оказываюсь, всё как будто выравнивается, становится по местам. Значит, смотрю я на эти строки и сам себе удивляюсь. Уже на автомате говорю: «Нифига себе!» Вот... как вы думаете, где я оказался...?

Соответственно, оставшиеся строчки я пишу под этим самым ясенем. Солнце, вроде как, светит и всё, как будто, под рукою... Но вот, я снова о чём-то задумался. Кажется, о жизни нашей грешной (ой, лучше б не начинал, Ей-Богу!), но, что удивительно, тут я пришёл в некоторому компромиссу, ибо вспомнил старинную китайскую мудрость, о том, что завтра день будет лучше. Понимая это, я говорю себе: «Нифига себе!» Так... у ясеня я уже не оказался... а почему? Хоть бы домой меня эта аномалия вернула, а то опять несколько километров идти (и даже не спрашивайте, как я нахожу дорогу – всегда по-разному).

Пора бы мне уже закругляться с этими философскими-нефилософскими (около-философскими) размышлениями у ясеня... Кстати, недавно-так покопался на бескрайних

просторах Сети, чтоб вообще понять откуда взялась эта фраза, а оказалось, что это огромный стих В.Матюка. Знаете, неплохо пишет, между прочим, жаль только, что матом, но тут уж его дело. Я, вот, материться не стал (меня ж, наверное, дети читают, хотя, кто знает?). Хм... а меня вообще читают? Ну, нифига ж себе...!

2019г.

МЕЛАНХОЛИЯ

*Знал соль слез, не жилые стены
Ночь без сна, сердце без тепла —
Гас, как газ, город опустелый.
Взгляд без глаз, окна без стекла.
С.И.Кирсанов*

За окном вечер. Солнце куда-то опять уходит (даже ему надоедает стоять на одном и том же месте). Небо то ли оранжевое, то ли красное (идите, художники, к чёрту с вашим видением!).

Вокруг тишина (на самом деле, слух просто уже привык к шуму улицы), полная пепельница на стеклянном столике (пора бы и почистить, м-да), в руке догорает сигарета. В голове абсолютно пусто, взгляд стеклянный – в бесконечность наступающей ночи.

Взгляд влево – жилые дома, где-то горит свет, и видны силуэты семейных идиллий. Взгляд вправо – парк, в котором ночью почему-то всегда тепло. Вроде, всё на местах..., а всё равно что-то не так... Слушай, приятель, скажи на милость – что не так? Не знаю. Но что-то определённо неправильно.

Смотрю в чёрно-красно-оранжевое небо (художники, идите к чёрту!), уже появляются звёзды. Нахожу два таких

родных глаза, что каждый день смотрят на меня (видимо с укором, ещё бы, даже никогда не докуриваю). Смотрим друг на друга минуту... две... три... Сказал бы что? Небо молчит, видимо ему нечего мне сказать сегодня.

Сердце чего-то просит. Ну, и проси дальше... следуй велениям сердца и быстро дойдёшь до инфаркта.

Когда это я стал таким пессимистичным?

Курево тлеет – выбрасываю в пепельницу (завтра, быть может, почищу) и выхожу с балкона. В квартире темно (свет включить, видно, не судьба, хотя надо), иду к ноутбуку, на котором, обычно, смотрю новости (телевизор, нынче, не в моде, верно?), опять мне сейчас чего-нибудь наговорят... Давай, браток, удиви меня! Начинается черед слов. Что-то там про переговоры с другими странами. Ну, правильно. Народы сближаются. Для рукопашного боя? Кто-то там отравился коньяком. Что тут сказать... человек отравился водой, случайно попавшей в организм с алкоголем. Так бывает – дерьмо случается. Что-то там про субтропическую жару в Москве... Ну, в 91-ом погода, вроде как, тоже чудесная была... я, конечно, ни на что не намекаю... Что-то там про утверждение госбюджета на грядущий год, какой-то политик выступает (вот это честь!). Что можно сказать? – оратор, закройте ваше «орало»!

В общем, ничего удивительного и нового. Пойду-ка я на улицу (ты время видел? ой, дурак!).

Снаружи уже темно, фонари светят, луна на месте (уже

всё не так плохо), полярная звезда тоже (ну, привет!). Иду к парку, где тепло, хотя на улице температура, а-ля, «офигеть-какжехолодно».

Асфальт стелется передо мной (и куда ты идёшь, может скажешь?). В голове всё ещё пусто...

Из какого-то дома выходит мужичок, на лице его гнев, и он хлопает входной дверью. Делает шагов десять и поскальзывается. Громко падает (мужик-то высокий, а, как известно, чем больше «шкаф», тем больше треска). Надо бы помочь. Добрые дела легче делать, чем плохие, но мы же не ищем простой жизни, верно? Люди часто завидуют здоровью, везению, благополучию другого. Лишь чужая глупость всегда кажется хуже собственной. Так и сейчас.

Подхожу к нему, подаю руку. Он берётся за неё и тяжело поднимается. Отряхивается. Я вижу его в первый раз.

– Как оно? – спрашиваю у него.

– Хреново, – хрипит он.

Только хочу что-то сказать, как мужик уже уходит. М-да... поговорили...

Стою в свете фонаря, «втыкаю» в асфальт (ищу двоеточие... эх, Максим Максимыч...).

Откуда-то выбегает чёрная дворняга. Садится передо мной.

– Здравов! – говорю ему.

Он что-то шипит или скулит в ответ.

– Ну, пошли.

Начинаю идти куда-то (вот куда ты прѣшься, а?), он семени рядом. Попутно рассказываю ему... Собственно, о чём? Да всё что в голову придѣт (надо ж с умными людьми общаться). Он лишь слегка кивает (лучший психолог). Доходим до моего дома. Сажусь на ступеньки (только попробуйте мне сказать, что что-то там отморожу!), он рядом. Хорошо сидим... Любите собак. Они не задают вопросов. Они просто кивают вам или просят погладить (а не пожрать).

Голова всё ещё пуста... Это к лучшему, ибо мысли, особенно «острые» надо записывать... а любая мысль, переложённая на бумагу, становится плоской... парадокс... К тому же, как говорит (или говорил?) один «великий» человек, «на жизнь надо смотреть трезво». Ну-ну... Если трезво взглянуть на жизнь, то хочется напиться. А нельзя... нельзя...

Вот и сидим мы с собакой....

2019г.

НОВЫЙ ГОД

*Вьюга за окном кружится,
Это старый год хмурится.
Снегом все дома занесёт,
Ночью к нам придёт Новый Год.
А.Е.Бадажков*

Декабрь. Казалось бы, первый месяц зимы, а в пору цитировать Пастернака:

*«Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.»*

Неплохо, конечно, было бы заменить на «декабрь», но что-то как-то не подходит. Да и вообще какой-то странный месяц. Вроде бы, Новый год не за горами... все суетятся, покупают подарки, украшают дома... все рады... а мне одиноко...

На улице вечер. В эти часы небо уже тёмное, покрытое звёздами, иногда даже луна удостоивает нас честью показаться.

В моей квартире темно. Надо бы включить свет, да не хочется – глаза привыкли к темноте, я просто уже слился с ней,

особенно потому что-сам-то хожу во всём чёрном... Это уже часть имиджа (но кто я такой чтобы иметь свой имидж, не правда ли?).

Окно нараспашку (или настезь?), а я сижу, курю на подоконнике, согнув одну ногу в колене, под которым стоит пепельница. Снаружи холодно, редкие снежинки попадают на меня, а я этого не чувствую.

Я вижу окна дома напротив, в них зажигается свет, и через некоторые шторы видны силуэты людей. Кто-то садится за стол, кто-то с кем-то общается, смеётся... люди счастливы – у них кто-то есть... всем бы так...

Дурная привычка курить, но ещё дурнее – не докуривать... так и сейчас – только пол сигареты выкурил, а уже в пепельнице... И я всё сижу на подоконнике, у открытого окна, за которым падает снег, как время, отпущенное нам на жизнь...

Я начинаю чувствовать холод, что сковывает меня везде. Я понимаю, что надо бы закрыть окно, но не делаю этого... может, жду тепла, хотя откуда ж ему взяться?

Ночь ничего магического не несёт в себе. Лишь холодную постель и пустой потолок, в который я смотрю. Сон не приходит... хотя, может я уже не понимаю, когда засыпаю, потому что на утро непонятно – то ли я спал, то ли просто лежал несколько часов с закрытыми глазами... Вообще-то говоря, больше на «отключку» похоже...

Следующий день кажется светлым, даже солнце показы-

вается, освещая тот небольшой слой снега, что есть на улице. Я сам для себя замечаю, что это первый день, когда оно вообще выглянуло в этом месяце. Может станет, всё-таки, немного теплее?

Пора бы наряжать ёлку, а то как-то некрасиво будет – завтра новогодняя ночь, а я без неё...

Достаю с верхних полок шкафа коробку, со сложенной в неё искусственной ёлкой и игрушками. Ставлю. Расправляю ветки и макушку. Начинаю наряжать. Игрушек много, всем им, наверное, столько же, сколько мне... разные шарики, птички, гирлянды, снеговики, дождик... всё это напоминает детство, то самое детство, когда ты думал, что до взрослой жизни далеко, а тут – бац! – а дальше только старее и всё... тю-тю...

Наконец, ёлка наряжена. Смотрится она очень красиво, а мне становится грустно... так нестерпимо грустно и тоскливо по прошлому, когда всё это было весело, когда под ней можно было найти подарки, а что теперь? Я сижу перед искусственным деревом, скрестив, по-турецки, ноги, смотрю на него и понимаю, что чудес не будет... я и не жду...

Тридцать первое декабря. На улице падает снег, солнце вроде есть, а вроде и нет.

К вечеру, я решил пойти на улицу, уж и сам не знаю зачем. Вид у меня неважный: мешки под глазами (хоть раньше их и не бывало), растрёпанные волосы и щетина, которой любой актёр, играющий алкоголика, позавидует.

Небо стало тёмным, появлялись звёзды, луна, фонари и гирлянды светили везде. В центре города стояла огромная ёлка, освещённая разными лампочками и прожекторами, рядом было много детей, и все получали подарки.

На заснеженных улицах полно людей... влюблённые пары, семьи, компании друзей... все счастливы, все вместе... а я один... хожу среди них угрюмый. Должно быть, странно это выглядит со стороны: у всех радость, а тут какой-то хмырь ходит – грустит, только праздник омрачает да народ пугает непотребным своим видом. А я просто не понимал, как можно быть такими счастливыми... почему всем весело, а мне нет, почему все вместе, а я один?

Я возвращаюсь в холодную квартиру, шторы стоят парусом от ветра, немного снега намело на пол у окна. Вот, теперь точно надо его прикрыть, а то ещё сугроб привалит – не разгребу. Берусь за ручку, закрываю... пепельница вылетает в окно, и через несколько секунд слышится звон разбитого стекла (или же льда).

«На счастье», – думаю я и смотрю вниз. На асфальте блестят осколки стекла и льда. «Прям моё состояние», – про себя говорю я и задумываюсь, что готовить на ужин.

Впрочем, выбирать не приходится... «завтрак, обед и ужин холостяка» – пельмешки.

На часах одиннадцать вечера. В моей квартире темно. Телевизор включён, все там друг друга поздравляют, поют, пьют, веселятся... а я сижу на подоконнике у открытого на-

стежь (или нараспашку) окна (снова, здравствуй! снова, как дела?). Снаружи холодно, редкие снежинки попадают на меня, а я этого не чувствую. С улицы слышится смех, слышатся радостные возгласы, а мне не смешно.

Снежинки крутятся в воздухе, напоминая небольшую метель... и видно в их мерцании что-то до боли знакомое, что-то печальное, что-то молчаливое, что-то... похожее на меня...

Я всё ещё сидел на подоконнике, когда из комнаты, где работал телевизор, зазвучали фанфары перед речью президента.

Решил, наконец, слезть и открыть шампанское, а то прям вообще не Новый год.

Пока открывал, уже и прозвучала речь, пробили куранты, спели гимн, на улице послышались звуки салюта, и небо осветилось различными цветами огней, вырисовывавших самые невероятные и красивые рисунки.

Спасибо тем людям, что не ленятся запускать его на Новый год! Это ж бесплатное шоу для почти всех жителей города...

Я стою с бокалом шампанского у открытого окна, откуда ветер задувает ко мне в дом снежинки, а я этого всё ещё не чувствую...

Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведёшь... вот, ведь, как грустно всё выходит...

Я чувствую, как в носу начинает пощипывать, как перед

слезами...

Тут, раздаётся звонок телефона – звонит мама, тот человек, которому я нужен, который про меня помнит, хоть нас и разделяет расстояние...

Отвечаю на звонок, мы поздравляем друг друга.

По телевизору показывают концерт, за окном фейерверки и снег и сотни радостных лиц... а мне грустно и тоскливо... встречать Новый год одному...

1 января 2020г.

КОТ

С серого зимнего неба хлопьями медленно падал снег. Он опускался на мостовую, на парапеты, на дома – всюду, где только можно было свой белый след оставить.

Солнца почти не было видно. Лишь слабый жёлтый силуэт на фоне серого неба, который мерцал в падающих белых хлопьях. Тепла от него не было...

Тем не менее, на улице было довольно оживлённо. Люди ходили, хрустя снегом под ногами уткнувшись в экраны телефонов и закутавшись в куртки по самый нос. У всех были какие-то свои заботы, все куда-то спешили, все хотели тепла, а его всё не было...

По длинным оживлённым проспектам города одиноко бродил серый кот. Он был очень худым с маленькими зелёными глазками, шерсть его была в снегу от чего напоминала седину на фоне и без того серых волос. Котом его, пожалуй, тоже можно было назвать с натяжкой, ведь он совсем недавно ещё был котёнком, и его кормила мать, а сейчас маленький пушистик остался один и должен был самому себе искать пропитание.

Жизнь на улице не была лёгкой – постоянно кто-то норovil швырнуть в него чем-то, крикнуть или же просто напугать. Он не понимал почему так происходит. Зачем? Что он

им всем сделал? Он ведь просто искал еды, ибо на дом не рассчитывал, хотя ему и хотелось – на улице, всё ж, жить было холодно и опасно. Конечно, иногда встречались и добрые люди, которые могли ему что-то дать, после чего он чувствовал себя на вершине мира от счастья... это было недолго – на утро голод и холод снова давали о себе знать...

Кот прошёл по улице сквозь толпу людей и запрыгнул на небольшой заснеженный парапет. Отсюда ему была видна чуть ли ни вся улица, все люди, что шли по ней, погружённые каждый в свои мысли и заботы.

Почти у всех людей были хмурые лица – глаза сощурены, брови сведены к переносице, уголки губ смотрели вниз. Кот не понимал почему, ведь они же счастливы, ведь у них же есть и дом, и еда, и тепло, ну чего им ещё?

Он одиноко сидел на заснеженном парапете и смотрел на этих непонятных существ – людей. А они всё приходили на улицу и уходили с неё...

Вот показалась одинокая девушка в зелёной куртке. Светлые волосы её были распущены, лицо полное печали, по румяным щекам даже катились слёзы. Никто не обращал на неё внимание... или почти никто... Кот с грустью в зелёных глазках посмотрел на неё и постарался улыбнуться своей кошачьей улыбкой. Он не понимал, почему девушка была так несчастна, что такого случилось, но думал, что как-то сможет помочь. Он не знал, как. Кот не сознавал зачем ему это надо. Но ему хотелось, чтобы она просто улыбнулась, чтоб

слёзы пропали с её щёк. Девушка прошла мимо, не взглянув на серый комок шерсти, покрытый снежинками – у неё были свои заботы.

Кот продолжал сидеть на месте, смотря на окружающих со своей странной улыбкой. А люди всё шли и шли. А он всё продолжал верить им...

Откуда-то показался мужчина в сером пальто, уткнувшийся в телефон. Ему тоже было холодно – об этом говорил его шарф, в который он всё пытался спрятать свой нос, чтоб согреть лицо.

Мужчина шёл рядом с парашютом, всё ещё смотря в телефон. Он не замечал маленькой серой фигурки, сидящей по левую руку его движения пока что-то не услышал... Мужчина инстинктивно обернулся. На заснеженном парашюте сидел маленький серый кот, весь в снежинках, улыбавшийся ему. Уголки губ человека поднялись, и он остановился рядом с ним. Тот смотрел ему в лицо своими зелёными глазками, полными какой-то непонятной для человека надежды. Мужчина протянул руку к коту и положил ему на голову. Тот закрыл глаза от удовольствия и прилива тепла, что исходило от этой самой руки. Мужчина гладил его вдоль всего тела, чувствуя пальцами сквозь шерсть его кости и мышцы. Кот лишь искренне мурлыкал, улыбаясь и закрыв глаза от удовольствия. Его нечасто гладили и это всегда было приятно, пусть даже руки были грубыми и не всегда чистыми.

Ему бы очень хотелось, чтобы это неожиданное удоволь-

ствие продлилось дольше, но, увы, мужчина провёл рукой по его голове последний раз, едва заметно улыбнулся ему и пошёл дальше своей дорогой... просто ему было куда идти... кот продолжил сидеть, стараясь сохранить полученное тепло и продолжая улыбаться всем вокруг, хотя на него почти никто не смотрел...

Между тем, уже смеркалось. Небо из серого становилось тёмно-синими, показывались первые звёзды, начинали зажигаться фонари, от которых становилось лишь светлей... тепла всё не было...

Улица пустела. Только редкие прохожие быстрым шагом, хрустя снегом, проходили мимоходом.

Откуда-то показалась женщина в красном пальто, которая вела за руку ребёнка лет пяти в оранжевой курточке и такого же цвета шапке на голове. Дитя с любопытством смотрело по сторонам, пока его взгляд не упал на серую фигуру, сидящую на парапете. Ребёнок потянул руку к коту и сказал своим детским голосом, полным радости:

– Мам, смотри, кошечка!

Женщина повернула голову и посмотрела на кота. Её взгляд выражал недоверие и, можно сказать, признание.

– Так она ж бродячая, – ответила она.

– Ей, наверное, домой хочется. Давай возьмём?

Кот замурчал. Эти слова засверкали перед его глазками лучиком надежды.

– Зачем? Она, ведь, бродячая. Мы можем купить тебе дру-

гую, если хочешь, – ответила женщина и повела своего ребёнка дальше по тёмной улице.

Уже почти совсем стемнело. Людей практически не было. В окнах домов зажигался свет, виднелись силуэты. У них было всё, они были счастливы.

У кота не было ничего.

Он перестал улыбаться, потому что попросту некому. Да и грустно ему стало. За день он не съел ни куска, а просто просидел на этом парапете, глядя на людей, что почти не смотрели на него. Разве что мужчина тот, погладивший его... и на том спасибо...

Кот спрыгнул с парапета и побрёл в сторону одного из знакомых ему дворов. Он шёл, оставляя за собой маленькие следы на снегу. Чувствовалось одиночество, непонятная ему грусть... и надежда... это его немного согревало на ночном морозе...

Во дворе было пусто. Всё в снегу, и лишь фонари освещали серо-белый асфальт. Кот брёл по нему, оглядываясь по сторонам, но ничего не мог найти. Запахов никаких не было.

Кот дошёл до небольшого пустыря, где была помойка, там всегда можно было чем-то поживиться. Только он хотел подойти к ящикам, как его внимание привлекло что-то сидящее под деревом рядом. Кот повернул к нему голову – что-то непонятное и большое сидело под ним. Инстинкты говорили ему не ходить туда, но какое-то неведомое ему чувство твердило, что он должен пойти туда. И кот направился к дере-

ву. Подойдя к объекту своего любопытства, он уселся перед ним и стал изучать взглядом. Что-то большое, светло-коричневое, с круглыми ушками на голове и глазами-бусинками сидело, опершись спиной на дерево широко раскинув задние лапы, чем-то напоминавшие ноги человека, и положив на них широкие передние, похожие на человеческие ладони, только без пальцев.

Кот вытянул переднюю лапу и прикоснулся к существу. Оно не шевельнулось, а лишь продолжило сидеть, опершись на дерево. Кот снова вытянул лапу, но на этот раз положил её на заднюю конечность существа. Оно было очень мягким и всё ещё не шевелилось. Видимо, он тоже остался один, ему, должно быть, также хотелось есть и быть дома, но у него ничего этого не было... как у кота... Он улыбнулся большому незнакомцу и сделал шаг к нему. Тот не шелохнулся. Видимо настолько ему грустно было и тоскливо. Кот его понимал.

Он залез на одну из задних лап этого существа. Оно всё ещё не шевелилось.

Кот аккуратно перелез ему на живот, который был чуть-светлее остальной шерсти и был наиболее мягким, что кошачьи лапы проваливались в нём.

Он уселся на его животе и, улыбаясь, посмотрел ему в глаза-бусинки. Они были неподвижны, и в них белым светом отражалась луна, и это делало его взгляд особенно грустным.

Кот всё ещё улыбался. Он понимал, что незнакомцу одиноко, что ему нужен друг... он мог им стать, ведь у него тоже

никого не было...

Он улёгся на животе у своего нового невозмутимого знакомого, свернулся клубочком и замурлыкал. Ему, вдруг, стало неожиданно теплее и лучше, голод как-то сам по себе притих.

Это чувство было коту непонятным, но оно доставляло ему удовольствие от того, что понимал, что нужен кому-то, что он теперь не один, что ему есть кому улыбаться.

Кот закрыл свои зелёные глазки от удовольствия.

Впервые, с тех пор, как он остался без матери ему не было одиноко...

А с тёмного ночного неба падал снег. Белые хлопья стелились на землю, на асфальт и на большое коричневое нечто, на животе которого клубочком лежал серый комочек шерсти. И пусть это, как казалось коту, существо было неживым, пусть без эмоций и без чувств, и пусть ему этого было не понять, но оба они были просто счастливы, возможно каждый по-своему, потому что нашли друг друга....

2020г.

В ЧУЖИХ ОКНАХ

Иногда, проходя мимо домов, можно видеть довольно милую картину: какой-нибудь пожилой человек – бабушка, там, или дедушка – просто стоит и смотрит в окно. Казалось бы, что они такого нашли в этом занятии? Что они надеются нового увидеть, ведь возраст-то уже такой, когда всякое повидал. Шли бы лучше писали что-нибудь, а чего? – как раз-таки для того чтобы стать писателем нужна лишь бумага, ручка и отсутствие другого более-менее интересного занятия, не так ли?

Так думал и я. Однако оказалось, что, глядя в окно... с правильной перспективы, что немаловажно... можно увидеть очень много интересного, нового, страшного, смешного (ибо между этими двумя понятиями, как известно, всегда один шаг).

Так уж сложилось, что попало к нам с Андреем в руки два оптических прицела, те самые, что обычно на снайперских винтовках стоят. Что с ними делать мы не знали, так как соответствующего оружия у нас, естественно, не было...

Дело было вечером, делать, как известно, было нечего. Сидели мы, стало быть, с моим товарищем, вертя прицелы в руках (причём как сидели: я на столе в позе лотоса, а Андрей на полу в положении, выражающим полную безысход-

ность...), как вдруг он поднимает на меня взгляд, в котором явно читалась какая-то гениальная идея и нараспев говорит:

– Кажется я придумал что с ними делать!

Скептически глянув на пол через прицел, а потом и на Андрея, я вопросительно посмотрел на него.

– Надо в окно смотреть!

Я удивлённо поднял бровь и с усмешкой сказал:

– Что ты там хочешь увидеть? «Цели» искать что ли?

– А почему бы и нет? – улыбнулся Андрей. – А вдруг что интересное увидим!

– М-да, приятель, учитывая, что сейчас на улице тьма, хоть глаз выколи... Максимум что ты увидишь это зубы улыбающегося Тёмного Лорда, и то если он захочет тебе улыбнуться... – съязвил я.

– Дурачок! У нас же они с ночным видением!

– Разве?

Как оказалось, действительно, – прицелы были с ночным видением. Почему-то я упустил этот момент...

Что ж, это в корне меняло дело, хотя я и, до сих пор, относился ко всей этой затее скептически. Тем не менее, вечерняя скука и желание хоть чем-то заняться перед сном сделали своё дело, и мы с Андреем, взяв прицелы и стулья, уселись пред подоконником, открыв окна нараспашку и уперев локти на него, стали пробовать что-то высматривать.

По началу у нас ничего, естественно, толкового не получилось, так как мир через оптическое стекло почему-то тряс-

ся, что нас крайне не устраивало. Что делать? Решение проблемы мы нашли довольно быстро – поставить на подоконник пару ящиков из-под обуви, но не опираться на них локтями, а просто как бы поставить на них прицелы, придерживая пальцами.

Сказано – сделано. Установив нашу нехитрую «инженерную» конструкцию и убедившись, что мир не качается, не трясётся, мы включили ночное видение и в его зелёном свете принялись осматриваться.

Ночной город казался вымершим. На улице не было, практически, ни души. Лишь редкие тени в свете фонарей и витрин мелькали вдоль стен. Иногда проезжали машины, ехали настолько медленно, что мы успевали даже увеличить кратность и рассмотреть водителей и, если были, пассажиров. Вот, например, проехал какой-то мужик с густой чёрной бородой и, низко опущенным, козырьком кепки, что создавало впечатление, будто это кепка с бородой сидит за рулём (ну а что? – в нашей стране и не такое возможно!). Или вот, шикарный красный «Феррари» с... «типичной» блондинкой в чёрной кожаной куртке за рулём.

– Нифига себе! – то ли удивился, то ли восхитился Андрей. – Это ж как так-то, а?!

– А что тебе не нравится? – как бы без участия спросил я.

– Да почему всё так?! Даже у НЕЁ есть «Феррари», а у меня нет!

– Полагаю... – начал я, – потому что ты не блондинка...

Я оторвался от прицела и улыбнулся ему исподлобья.

– Да в смысле? Да почему?! – возмутился Андрей и снова прильнул к прицелу, но наша «цель» исчезла за домом.

Мы продолжили наше «около-снайперское» созерцание, но на дорогах и проспектах уже никого и ничего не было.

Я оторвался от оптики, чтобы дать глазам отдохнуть, ибо так или иначе они находятся в напряжении.

С улицы дул ветер, к нам в комнату время от времени залетали редкие цветные кленовые листья, из-за которых хозяйка нередко бранила нас, потому что мы забывали их убирать.

Я посмотрел на дома напротив. Во многих окнах горел свет, и были даже видны силуэты обитателей квартир...

Стоп!

Свет... Силуэты...

Я придумал, что делать!

Без лишних колебаний я снова приник к прицелу и стал всматриваться в дом напротив. Глянул в первое же окно, в котором горел свет. Сквозь тюль были слегка размыто видны люди, сидящие за столом. Мужчина, занимавший стул у центра стола, что-то увлечённо рассказывал, женщина, примерно его возраста, судя по всему, еле-сдерживала смех, а сын, где-то лет десяти, с зажмуренными глазами и улыбкой до ушей барабанил по столу, видимо, настолько ему смешно было.

– Интересно, – вслух задумался Андрей, – а что он им

такое рассказывает?

Похоже, ему тоже пришла в голову такая же идея, как и мне, и он вместе со мной смотрел в одно окно.

– Я бы сказал, – заулыбался я. – Но не буду, боюсь ты обо мне не так подумаешь...

Андрей оторвался от прицела и, ехидно улыбаясь с выпученными глазами, посмотрел на меня.

– О чём ты думаешь?! – чуть не смеясь спросил он.

– Я? О рыбалке! – посмеиваясь ответил я. – А вот о чём ты думаешь, раз так улыбаешься?

– Э-м-м... – мой товарищ замялся. – Тоже о рыбалке!

– Да?

– Да.

– Именно!

– Безусловно!

– Смотрим дальше...

Мы снова прильнули к оптике. Я перевёл взгляд на окно выше, где тюль была открыта и чётко была видна уже не молодая, но и не пожилая пара, которая явно спорила о чём-то. Мужчина с напряжённым лицом и растрёпанными волосами, создававшие подобие кудрей, стоял, чуть подав корпус вперёд и время от времени размахивал руками, что-то говоря жене, которая, в свою очередь держала руки сложенными на груди и, судя по всему, то и дело кричала на мужа. Всё это, конечно, могло показаться смешным со стороны, особенно если подобрать правильный трек Эминема под весь

этот «спектакль», однако ж, мне было даже как-то жалко мужика, ибо, что ни говори, но женщина в гневе или недоумении в него перерастающем – страшная сила.

Невольно стало интересно, как же он выкрутится из ситуации. Вот мужик выпрямился, стал говорить спокойнее. Женщина, видимо, тоже перестала кричать. Они стоят, разговаривая так, ещё минут пять, после чего муж улыбается, что-то говорит ей и заключает в свои объятия. Всё! Окончен «бой», мир и любовь восторжествовали!

Так бы и смотрел на эту идиллию весь вечер, но тут Андрей сказал:

– Быстрее посмотри на восьмой этаж!

Что ж, его отыскать нетрудно, поскольку это последний, да и горит там всего одно окно. Устремляю свой взор туда и вижу совсем молодую пару, сидящую на подоконнике. Парень обнимает девушку за талию, а она держит свои руки за его шей, и оба смотрят на друг друга настолько милым взглядом, что даже не нужно вплотную видеть их глаза. Он что-то говорит ей, от чего девушка слегка опускает голову и, похоже, улыбается, что-то говоря в ответ.

– До чего же мило!.. – восхищается Андрей.

Я смотрю вторым глазом на него и замечаю, как его щёки краснеют от умиления. Он сам по себе очень чувствительный человек, а когда видит что-то подобное, то его легко трогать.

Между тем, наша парочка уже слилась в поцелуе, прижав-

шись друг к другу. Ей-Богу, им бы в романтическом фильме сниматься, а не сидеть у окна вечером!..

Вот их губы размыкаются, парень снова что-то говорит, а девушка закидывает голову назад. Они слезают с подоконника и исчезают в глубине комнаты, а через несколько секунд там гаснет свет...

– М-да-а-а-а..., – говорит Андрей.

– Что? – усмехаюсь я.

– Всё самое интересное..., – начинает он.

– ...и без нас, – продолжаю я его мысль.

– В точку!

Мы ударяемся кулаками.

– По крайней мере, они точно счастливые, – констатирую я.

– Похоже на то.

Я снова гляжу в прицел, но... светящихся окон уже мало...

Лишь на четвёртом этаже в одной из центральных квартир горит свет, а на подоконнике сидит ребёнок лет пяти с длинными светлыми волосами, пухленьким лицом и с плюшевым мишкой в руках и что-то увлечённо говорит, время от времени показывая в ночное небо, с миллионами звёзд на нём и белым месяцем среди них. Должно быть, он рассказывает своему «другу» о созвездиях, хотя... какие там созвездия в пять лет-то? Скорее всего, он просто пересказывает ему одну из тех сказок, что мама читает ему перед сном, а

небо просто как иллюстрация или место действия... Но вот, сзади появляются женские руки, которые гладят его по голове. Ребёнок мило улыбается и разворачивается всем телом, от чего-то хлопает в свои пухленькие ладошки, и женские руки поднимают его и куда-то уносят. Наверное, детям уже спать пора...

Я гляжу на время – уже девять часов.

– Слушай! – нараспев говорит Андрей. – У нас же остался торт в холодильнике?

– Да-а-а..., – также нараспев отвечаю я.

– Так вот! – восклицает он. – О каком счастье ты мне тут рассказываешь? Счастье в тортиках! Пошли есть!

– Эх, Карлсон, – задумчиво отвечаю я, вспоминая небезызвестный мультик, – не в пирогах счастье...

Андрей улавливает мою мысль и, сделав голос чуть грубее, говорит:

– Ты что, с ума сошёл?

Я улыбаюсь:

– Да пошли, конечно! О чём ты говоришь вообще!

– Вот другой разговор!

– А, стой! После шести не жрать!

Я посмеиваюсь.

– Слушай, не хочешь – не надо! Мне же больше достанется! – отвечает Андрей, подымаясь с места.

– Через мой труп! – смеюсь я, и мы буквально бежим на кухню.

Ей-Богу, в жизни бы не подумал, что может быть так интересно смотреть в чужие окна! А ведь там нередко такие истории происходят – прям целые романы пиши! К сожалению, произведения эти... не всегда любовные или счастливые... иногда приходится видеть и настоящие драмы...

Впрочем, как говорится, это уже совсем другая история....

2018г.

ДВОЕ У ОКНА

*Двое у окна,
Эта ночь пьяна,
Может лёгкий сон...
Если бы не он,
Нет, не обещай...
Двое у окна,
Тянется струна...
Видимо нам Бог
Дал с тобой урок,
А теперь прощай...
В.С.Ильичёв*

Так уж сложилось, однажды, что я серьёзно заболел и не мог выйти из дома. Это было ужасно! Да вообще неприятно, когда люди болеют (не всегда, конечно, но чаще всего). Однако моё положение усугублялось ещё и тем, что Интернет мне почему-то отрубили, несмотря на то, что платил я недавно, а когда включают, конкретно, не сказали. В общем, делать в моём случае было совсем уж нечего, ибо на одном кино долго не высидишь, есть особо не хотелось, а жил я один – то есть развлечений кот наплакал. Между тем, болезнь, как на зло, проходила очень медленно... даже было ощущение, что

с каждым днём становилось всё хуже и хуже, что, конечно же, удручало. Хотя, нет, тревожило меня то, что я банально не мог нормально функционировать, потому как глаза у меня постоянно слезились или в них темнело, вечная слабость – короче, ещё немного и вот те живой труп.

Как-то раз, когда в глазах снова потемнело, я сел на подоконник и уставился в окно, надеясь на то, что они «прозреют» быстрее. Примерно так и вышло, потому что вскоре я уже мог снова всё видеть.

А за стеклом была весна – снег почти растаял, и ручьи, что появлялись из него, сверкали на солнце, деревья были покрыты почками (и это середина марта). Прямо Божья Благодать – ничего не сказать!

Я засмотрелся на всю эту идиллию, когда мой взгляд скользнул по коричневой стене дома напротив и устремился в одно из окон, которое находилось почти идеально пред моим, что можно хоть мостик прокладывать. Шторы не были закрыты, и я мог хорошо видеть, что происходит за стеклом. На подоконнике сидели двое. Молодой русоволосый парень и совсем молодая светловолосая девушка, я бы даже сказал ещё ребёнок (а может быть так и было). И вот как-то они идеально подходили друг другу, как будто две половинки одного сердца дополняли друг друга – настолько красиво смотрелись вместе. Оба были одеты во всё светлое, что придавало их, если можно так выразиться, единому образу какой-то гармоничности. По крайней мере, никак иначе я не мог это

назвать... да и надо ли? – Мне в какой-то момент стало просто приятно смотреть на них, что я даже на время забыл о своём недуге и устроился у окна поудобнее.

Девушка, хоть и была видна мне лишь в профиль, явно улыбалась, и я это чётко видел. Она обнимала парня за шею и смотрела ему в глаза. Он держал её за талию. Губы его шевелились – видно, что-то ей говорил... что-то нежное, что-то приятное, ибо я видел, как она то и дело закрывала глаза и слегка опускала голову, должно быть, от смущения. Парень приблизился к ней так, что их лбы сошлись, однако, взгляды всё ещё были опущены, по крайней мере, в профиль так и казалось. Он что-то еле-заметно сказал, она также еле-заметно ответила..., и они слились в поцелуе... Это было недолго, может меньше минуты, но я понимал, что для них уже прошла вечность, что им всё никак не хочется отпускать друг друга....

Глядя на всю эту романтику, я и думать забыл про свою болезнь, ведь моё, если можно так выразиться, несчастье казалось таким незначительным на фоне счастья этих двух незнакомых мне людей. Я видел их в первый раз, я не знал кто они..., но мне стало неожиданно тепло, когда я смотрел на них..., похоже я просто банально был рад счастьем других, так иногда в жизни бывает....

Между тем, «моя» пара разомкнула губы. Парень что-то сказал своей возлюбленной и поцеловал в щёку, от чего девушка слегка вытянула шею и задрала голову, закрыв глаза.

Он взял её руку в свою, и оба они ушли с подоконника, а я всё продолжал смотреть в их окно, хоть там уже и была пустота, но в душе моей ещё было тепло и мне казалось, что я стал чувствовать себя намного лучше...

На следующий день, действительно, моя слабость значительно уменьшилась, и с утра я чувствовал себя бодрее, что не могло ни радовать! Однако глаза мои всё ещё были в неважном состоянии и продолжали то слезиться, то мерцать (жаль, что не мерцающим лучом славы). Тем не менее, я уже знал, что надо делать....

Вновь, как вчера, я подсел к окну.

Весна пришла в город незаметно и, хотя она только-только началась, но уже чувствовалось тепло грядущего лета, ведь солнце стояло почти что в зените, облаков было мало, в общем, природная идиллия во всей красе!

Моё настроение потихоньку улучшилось, и я незаметно для себя перекинул взгляд на коричневый дом напротив, а потом нашёл уже знакомое мне окно.

И тут, мне стало как-то тревожно...

На подоконнике сидел тот самый парень, которого я видел вчера, но... что-то точно было не так...

Он был один, одет в чёрную рубашку, вид был угрюмый, а в руках он держал телефон, в который тыкал без всякого интереса.

А где же девушка?

Ответ не заставил себя долго ждать – она появилась у ок-

на буквально через несколько мгновений, но рядом на подоконник не села. Парень даже никак не отреагировал на неё. Девушка лишь стояла что-то говоря ему, время от времени резко жестикулируя руками. Он всё ещё никак не реагировал, взгляд его был в телефоне, а губы едва-заметно шевелились время от времени, видимо, что-то ей всё-таки отвечал, что, казалось, выводило её из себя.

Наконец, девушка просто сложила руки на груди, что-то сказала, развернулась и ушла вглубь квартиры. Парень вдруг встрепенулся, оторвался от телефона и, спрыгнув с подоконника, последовал за ней.

Что же случилось с ними? Что произошло? Поссорились? Все эти вопросы терзали меня весь оставшийся день. Я снова стал чувствовать себя неважно, хотя природа и была, что называется, в хорошем расположении и пыталась меня как-то утешить, но мне почему-то не давала покоя эта пара и что с ней случилось.

Я то и дело подходил к окну и всматривался в ту квартиру напротив, но на подоконнике никого не было, а в комнате свет не зажигался даже вечером...

Я старался успокоить себя, что, мол, они помирятся, что так со всеми бывает, что они снова будут счастливы. В конце концов, какое мне дело до них, если я их не знаю даже? Но нет... чем-то меня эта пара зацепила...

Ночью я, как мне казалось, довольно долго не мог уснуть от всех этих мыслей, да и глаза покоя особо не давали.

Утром следующего дня я почувствовал, что слабость стала возвращаться ко мне (снова, здравствуй! снова, как дела?). Это, конечно, сильно удручало, и я решил после завтрака снова лечь в кровать. Однако когда я пришёл в комнату и бросил взгляд на окно, мои мысли вдруг снова заговорили о той паре... Забыв о недуге, я буквально подбежал к подоконнику и опёрся на него руками.

На улице моросил дождь, небо заволокло серыми тучами, асфальт почернел, и даже с забитым носом я чувствовал запах дождя, который, обычно, всегда доставлял мне удовольствие, но сейчас почему-то наоборот вызывал тоску...

Я устремил взгляд на дом напротив и почти мгновенно нашёл нужное окно.

На подоконнике, с той стороны, где раньше сидела девушка, был тот самый парень во всём чёрном и с тупой грустью смотрел в противоположную стену. Его возлюбленная всё ещё не появлялась.

И тут, я заметил что-то в другом окне, что было левее этого. Я посмотрел туда. На подоконнике сидела та самая девушка в той же белой одежде, обняв руками колени, и смотрела в ту же стену, со своей перспективы, в которую смотрел он.

Я не знаю была ли это одна квартира или две разные, но я поразился насколько они были близки друг другу, что даже не будучи вместе их мысли почти совпадали, и они, можно сказать, смотрели друг на друга через стену...

Я глазел на них и недоумевал. Голову всё ещё терзали вопросы и сомнения, внутренний голос буквально призывал меня собраться с силами, сходить к этому парню и предложить ему помириться с девушкой. Однако я думал, что тут уж я ничего не смогу решить..., и поэтому просто продолжал смотреть...

Они сидели так ещё минут десять, пока она вдруг не опустила голову на руки, видимо заплакав, и не сошла с подоконника.

Он всё ещё продолжал сидеть, но затем в один момент тоже ушёл вглубь квартиры.

И снова весь день я время от времени подходил к окну и всматривался то в одно, то в другое, но нигде не было видно ни души.... Только вечером во втором окне на мгновение появилась девушка, которая лишь закрыла шторы. А в том другом всё ещё никого не было, и свет всё также не горел...

И вновь я плохо спал ночью, одолеваемый какой-то непонятной тревогой и всякими разными мыслями.

Утром я проснулся раньше обычного. Сильно болела голова. На душе было как-то непонятно тревожно, а в комнате душно, хотя я и сплю с открытой форточкой.

Стоп! Окно!

Не знаю зачем, но я снова подошёл к нему и, по обыкновению, опёрся руками на подоконник.

Снаружи было ещё темно, однако, ночная тьма уже начала уходить от зданий города, освобождая путь наступающей

заре.

Я устремил взгляд на тот самый коричневый дом, на, уже ставшее чуть ли не родным, окно.

В первом, в котором сидел вчера парень, всё ещё было темно. Видимо он спал.

Я перекинул внимание на второе окно. Оно было настежь открыто, а шторы развивались на ветру, как порванный парус старого корабля.

И тут мне стало не по себе...

На уровне каких-то непонятных инстинктов я посмотрел вниз, во двор. Вид закрывали тополи и припаркованные машины.

Не зная что делать, я быстро переоделся в более-менее подходящую под погоду одежду и, не причёсываясь, как был, спросонья, пошёл на улицу.

Выйдя из подъезда, я ощутил утреннюю свежесть, прохладу и в то же время какую-то непонятную чёрно-белую печаль, царившую в воздухе. Как будто серое небо не давало лучам надежды пробиться на эту землю.

Я побрёл в сторону того коричневого дома, кутаясь в капюшон куртки и думая, что сейчас заболею ещё больше. Однако, несмотря на слабость и боль в голове, я продолжал идти к тому дому, до которого обычно идти не больше двух минут, но ноги мои стали неожиданно ватными, от чего путь этот казался невероятно долгим.

И вот, я пришёл во двор того самого дома, на который всё

это время смотрел из окна....

На чёрном, от ночного дождя, асфальте лежало, накрытое брезентом, тело девушки. Это было видно, так как из-под одного его края выглядывала женская рука с маленькими пальчиками и ноготками. Чуть выше виднелась размытая дождём тёмно-красная лужа крови.

Вокруг трупа стояли полицейские. Кто-то нервно курил, кто-то что-то писал, но все они, видимо, ждали приезда врачей.

На тротуаре стоял парень, и я узнал в нём того самого, что сидел на окне. Вид у него был неважный: лицо бледное, руки тряслись то ли от холода, ведь стоял он в футболке, то ли от шока, а в глазах читались одновременно ужас и печаль... печаль человека, потерявшего в жизни всё....

Я посмотрел вверх, на окна. Шторы всё ещё парусом развивались над улицей, а я только сейчас осознал, что они были всегда белого цвета... сейчас же они казались чёрными, особенно на фоне серого утреннего неба....

Я стоял как вкопанный, потеряв дар речи и не зная, что делать. Лишь когда один из полицейских бросил на меня косо́й взгляд, я понял, что лучше мне будет удалиться, поэтому я развернулся и пошёл обратно к своему подъезду.

Почти весь день я провёл в кровати, ибо слабость моя усилилась, а головная боль так и вообще «закрепила успех» моего недуга.

Меня терзали разные мысли, сомненья, вопросы... что де-

лать со всем этим я не знал... Единственное, что я мог предположить, и в данном случае это казалось наиболее правдивым, что девушка решила последовать примеру лебедей..., и просто вышла из окна... Падение, хоть и не было долгим, всё ж не с километра летела, но я представлял, как её хрупкое тело разбивается об асфальт, а холодные капли дождя накрывают девушку, которая, вероятно, умерла не сразу и ещё некоторое время лежала там – на холоде, тяжело дыша в агонии, и мне становилось как-то нехорошо....

К вечеру я всё-таки смог подняться с кровати и подойти к окну.

На небе уже была луна, появлялись звёзды....

Я посмотрел на два окна напротив. То, из которого утром развивался «чёрный парус» уже было затворено, а шторы закрыты. Во втором всё также было темно....

Вдруг в нём появился едва заметный тёмный силуэт. Это был тот самый парень. Он появился лишь на мгновение, чтобы тоже закрыть шторы.

Теперь в обоих окнах было пусто и темно....

Я не знаю сколько прошло времени с того дня, но всякий раз, как я оказывался у окна, и мой взгляд останавливался на доме напротив, я по привычке, можно сказать, отыскивал то самое «родное», можно сказать, где раньше была счастлива такая милая пара....

Оно было зашторено....

2020z.

НЕМОЙ АДРЕСАТ

*Стужа в душе, снаружи тоже изной,
Но что теперь поделаешь со мной -
Заплатил такой ценой,
Остается просто дальше жить.*

*Поцелуй не согреет уст,
У беды очень странный вкус.
Т.Н.Демчук*

С утра была метель. Зима уже с конца ноября заявила о себе и уже во всю бушевала в городе своими бесконечными снегами. Детям, конечно, радость, а вот водителям гадость – никуда нормально не проехать, а если ещё и замок в гараж замёрз, то вообще – и так забот полон рот, а тут ещё останавливаться из-за таких мелочей....

Влад нехотя поднялся с постели и, посмотрев на часы, понял, что, как и всю текущую неделю, он встал на полчаса раньше будильника, который ставил уже чисто машинально.

Глянув в окно и увидев за ним лишь тёмное небо, только-только начинавшее светлеть, под которым носились вьюгой многочисленные снежинки, ему, вдруг, неожиданно захотелось поспать ещё, хотя он и чувствовал себя выпавшим-

ся. Парень лениво посмотрел на серую стену, единственным украшением которой был квартальный календарь, увидел наступившую дату... и у него в горле встал ком, а по телу пробежали мурашки... в памяти резко всплыли события двухлетней давности, из-за которых для Влада перестал быть радостным Новый год, да и зима, как таковая, стала чем-то тоскливым и угрюмым...

Владу оставалась всего одна остановка до нужной станции метро, а ему уже не терпелось увидеть Ларису. Ещё бы! Ведь у неё сегодня был день рождения! День рождения у такого дорогого и любимого человека!

Он очень волновался. То и дело проверял карман своей куртки – не пропала ли из него маленькая коробочка, в который был подарок; то и дело смотрел в темноту окна, в котором проносились еле-заметные трубы и фонари тоннеля метро. Он готов был буквально выпрыгнуть из вагона, когда тот остановится.

Наконец, стал слышен звук тормозов поезда, а затем показалась и сама станция – перрон, люди, стоящие на нём, буквы, выбитые на стене. Всё это было уже таким знакомым, что, в общем-то и не требовало особого внимания, однако, Влад, неожиданно даже для себя, стал пристальнее обычного смотреть на это окружение.

Открылась дверь вагона, и люди повалили на перрон, устремляясь каждый по своим делам.

Он тоже вышел и сразу же стал искать глазами такую знакомую, родную фигуру.

Люди, люди, люди... Где же она?

Нашёл!

Лариса, одетая в бирюзовое пальто, сидела на скамейке и вглядывалась в лица выходящих людей. Влад, маневрируя между толпами, незаметно подошёл сбоку, наклонился к девушке и одной рукой закрыл ей глаза. Она улыбнулась и взяла в свои маленькие ладони его большую.

– Привет! – в пол голоса сказала Лариса, так что Влад еле услышал её в шуме метро.

– Здравствуй! – ответил он и поймал себя на мысли, что раньше так не говорил.

Видимо от волнения.

Парень убрал свою ладонь с её глаз. Девушка поднялась с места, и оба они одновременно заключили друг друга в объятия.

– С днём рождения тебя, любимая! – заговорил Влад чуть-погода и, снова неожиданно для себя, замолчал.

От непонятного ему волнения у него сдавило в горле, и он забыл, что хотел сказать дальше. Однако Лариса всё поняла и, слегка вытянув шею, поцеловала его в щёку.

– Спасибо, родной! – сказала она.

Влад замялся, вспомнив про подарок, он незаметно засу-

нул руку в карман.

– Конечно, не самое лучшее место для этого, но всё же... – начал парень и достал коробочку из кармана, – у меня для тебя кое-что есть...

Лариса изумлённо посмотрела на неё и, взяв подарок в свои руки, открыла его одним пальцем. Внутри были серёжки с небольшим камнем рубина.

– Боже мой! – взволнованно сказала девушка. – Влад, они же дорогие!

– Что ж теперь? – ответил он, стараясь сохранять уверенность в голосе. – Мне для тебя ничего не жалко...

– Спасибо тебе!

Лариса снова обняла его и закрыла глаза от удовольствия.

– Я люблю тебя! – прошептала она ему на ухо.

– Я люблю тебя! – ответил ей Влад, и слова его растворились в шуме прибывающего поезда....

Влад пошёл по тёмным коридорам своей квартиры в ванную, на ходу нажав на выключатель. Свет мгновенно загорелся, так что парень сощурился, ибо глаза ещё не привыкли к яркому освещению. Наощупь опёрся на раковину и, всё также щурясь, посмотрел в зеркало. Лицо его было заспанным, волосы растрёпанными, в общем, вид неважный...

Он принялся умываться. Однако всё казалось ему ка-

ким-то неестественно медленным и долгим – все его движения были какими-то вялыми, меланхоличными, ему даже казалось, что капли воды с лица падали дольше.

В один момент он осознал, что капала не только вода из-под крана... Из глаз его лились слёзы, а Влад их даже не чувствовал, хотя и понимал, что это от тоски... от тоски по человеку, которого уже нет...

Он стал бриться, ибо щетине шёл уже пятый день, и лицо выглядело уже просто страшно.

Все движения были знакомыми, привычными, доведёнными до автоматизма... но какими-то слишком медленными... Он, конечно, понимал из-за чего, да и слёзы не давали нормального обзора в зеркало. И тут, Влад почувствовал лёгкую боль в левой щеке – порезался. Из небольшой ранки показалась кровь, а парень поймал себя на мысли, что в эту самую щёку когда-то Лариса его любила целовать...

– Куда пропала-то вчера? – с любопытством спросил Влад.

Они с Ларисой сидели на втором этаже кофейни, где всегда очень любили проводить время. Здесь он назначал ей первое свидание, здесь же признался в любви. По сути, это было их памятное место...

– Ты о чём? – ответила девушка вопросом на вопрос, ставя чашку на блюдце.

– Ну, ты вчера так неожиданно из Сети пропала, а появилась только сегодня утром. Что случилось?

– А! – Лариса пожала плечами и слегка сощурилась. – Да нет, всё нормально.

– Это-то я вижу, – он подался вперёд. – А что произошло?

– Да какая разница?

Она улыбнулась.

– Мм-м... вот как...

Парень сложил руки на груди.

– В смысле? – недоумённо спросила она.

– Ну, в прямом.

– Ты что? Совсем что ли?

Лариса рассмеялась.

– Ты шутишь?

– Я похож на шутника?!

– Так, Владушка, прекращай! Что ты как ребёнок, ей-богу!

– А что ж ты мне не отвечаешь?

– Оно тебе надо?

– А мало ли что там у тебя...

Влад многозначительно посмотрел на Ларису. Девушка удивлённо выпучила глаза.

– Ты дурак что ли?

– Ах, вот мы как заговорили...

– Слушай! – девушка взялась за ручку своей сумочки. –

А не пойти бы тебе?.. Нет, так я уйду! С Рождеством!

На глазах у неё выступили слёзы, но она незаметно смахнула их рукой и быстрыми шагами направилась к выходу.

«Ну и пожалуйста!» – с какой-то непонятной злобой подумал Влад, допивая свой кофе, и тут же себя одёрнул. – «Ты – придурок! Полный причём! Обидел самого дорогого человека! И кто ты после этого?»

Он посмотрел в окно. Улицу замело снегом, было уже темно, и фонари освещали белые сугробы и дороги, а ему вдруг представилось, как она – его маленькая Ларисочка идёт по этой холодной улице одна, в слезах... а ведь ей далеко до дома... Сердце его вдруг сжалось от этой мысли, и он мгновенно схватил свой телефон и написал ей «ВКонтакте»:

Прости меня, любимая 🙏
Вернись, пожалуйста, давай поговорим!

17:06

Ваше сообщение

Он уже хотел-было подняться, чтобы догнать её, ибо был уверен, что она не могла далеко уйти... как вдруг на улице

раздался чей-то крик...

Он сел за свой ноутбук. Знакомый монитор, обои на рабочем столе – ничего необычного. Стал загружать свою страницу «ВКонтакте», и в горле у него снова появился ком, а к глазам подступили слёзы.

Когда страница загрузилась, Влад увидел гору уведомлений, что его несильно удивило, ведь он не заходил уже целую неделю.

Открыв их, парень быстро пробежал глазами по ним – ничего важного или интересного... кроме одного... пришло напоминание о том, что сегодня день рождения у Ларисы...

Он открыл её страницу. На ней уже давно не отображалось, когда пользователь последний раз заходил, ибо это было уже давно, и всё что напоминало о владельце – лишь фотографии навсегда восемнадцатилетней Ларисы, на которых она была счастливой, с её изумительно нежной улыбкой и радостными глазами... И вот, сегодня у неё был день рождения...

Влад открыл переписку с ней, в которой за всё это время скопилось множество непрочитанных сообщений от него, ибо писал он ей часто, делясь своими переживаниями, чувствами, а иногда просто пытался с ней говорить, хотя и понимал, что ему не ответят...

Парень стал набирать сообщение. С каждым нажатием клавиш в глазах появлялись всё новые слёзы...

С днём рождения, родная ❤️

07:42

Я часто пишу тебе, надеюсь, что ты ответишь 😞

07:43

Хотя и понимаю, что это невозможно...

07:43

2 года уже прошло, сейчас тебе было бы 20

07:44

А я до сих пор не могу поверить, что тебя нет 😞💔

07:44

Скучаю по тебе 😞

07:45

И всё ещё люблю тебя ❤️

07:45

Если ты где-то там это видишь, прости меня 😞 я виноват

Влад отправил последнее сообщение и больше не мог кон-

тролировать свои эмоции.

Он закрыл лицо руками и заплакал навзрыд...

...Влад выбежал на улицу, на ходу надевая куртку.

Недалеко от входа в кофейню, у стены дома, в котором она находилась, собирались прохожие, кто-то взволнованно охал, кто-то звонил в скорую.

На снегу была кровь и осколки льда...

У Влада защемило сердце, а к горлу подступил ком, в голове закружились разные мысли.

На ватных ногах он подошёл к собирающимся людям.

На снегу лицом вверх лежала Лариса... его маленькая, до-рогая Ларисочка, как он её называл... глаза девушки были закрыты, из приоткрытого рта, носа и откуда-то из затылка сочилась алая кровь...

– Ч-что здесь п-произошло? – заикаясь прохрипел Влад, чувствуя, как дар речи покидает его.

Мужик, стоявший рядом, замысловато выматерился и сказал:

– Сосульки с крыши сорвались и в голову ей... ох, ё...

Он перекрестился, выругался и отвернул взгляд.

Влад буквально упал на колени и приподнял Ларису за плечи. Её тело обмякло, а по рукам его текло что-то тёплое и липкое – это была её кровь.

Ему хотелось кричать, но он не мог, ибо голос покинул его...

Парень обнял её за эти самые уже неживые плечи и беззвучно зарыдал, и ему было безразлично, что говорили окружающие люди, и что они видят его страдания...

Ему казалось, что мир его просто ушёл из-под ног, что вся жизнь кончилась с гибелью Ларисы...

В один момент, Влад не поверил в случившееся и стал трясти девушку, пытаясь закричать. Однако её голова была как на нитках и лишь качалась от его движений, не подавая признаков жизни.

Его оттащили от неё. Он не сопротивлялся... лишь закрыл лицо руками, на которых была кровь дорогого ему человека...

На улице было холодно. Казалось, что само солнце замёрзло от такого количества снега, что падал с небес.

На кладбище как будто было ещё хуже. Облысевшие чёрные деревья, среди чёрных мраморных плит и памятников, от чего снег казался скорее серым, чем белым.

Владу не хотелось пересекаться с родителями Ларисы, ибо после того дня он не знал, как смотреть им в глаза, поэтому он приходил на кладбище уже ближе к вечеру.

Среди заснеженных могил он быстро находил одну – ту

самую...

Чёрный памятник из обтёсанного мрамора, на котором была изображена улыбающаяся Лариса, а под ней и её фамилией, именем и отчеством, стояли даты жизни.

Влад в очередной раз поразился, как судьба сблизила дни рождения и смерти – ровно месяц между ними... десятое декабря и десятое января...

Он смотрел на могилу и чувствовал боль в своём сердце. Слез уже не было, они вышли все с утра. Осталось лишь горькое чувство тоски.

В вазочке рядом уже стояли цветы, которые ранее этим же днём приносили её родители. Влад лишь поставил свои две гвоздики и опустился на снег. Он положил руки на памятник, понимая, что тепло ладоней на чёрном мраморе долго не останется, но надеялся, что быть может хотя бы часть его передастся ей, где бы она ни была...

Ему уже было холодно, он чувствовал это, однако, всё ещё продолжал сидеть...

Наконец, Влад прислонился лбом к могиле и прошептал: «С днём рождения, любимая!...»

Снова начиналась метель, вновь в воздухе закружились снежинки.

Парень поднялся с места и пошёл к выходу. Дойдя до него, он обернулся, но увидел лишь кружащийся снежный рой....

На первой паре преподаватель хотел-было устроить пере-
кличку, но староста опередил его, сказав, что отсутствует
лишь один человек.

– Что-то случилось? – спросил преподаватель.

– У него обстоятельства, – отозвался староста.

Пара началась.

Один из студентов спросил шёпотом у него:

– А что, где Влад?

– Он уже два года именно в эти дни не ходит...

– Из-за Ларисы?

– Угу. С тех пор, как она погибла, совсем закрылся в себе.

Чай, каждый день почти ей пишет... ну, кроме этой недели...

– Так вот почему я до него достучаться не могу!

– Вот-вот... тоскует парень просто... он, ведь её любил...

до сих пор себя винит...

На город опустилась ночь.

За окном всё ещё была метель, которая, казалось, не со-
биралась утихать.

А Влад сидел в своей комнате в темноте, глядя пусты-
ми глазами в стену. Достал из кармана телефон. Открыл
«ВКонтакте». Сообщения от одноклассников с сочувствия-

ми и словами поддержки его не волновали. Он снова вошёл в переписку с Ларисой, где были его непрочитанные сообщения...

● Ещё раз с днём рождения тебя ❤️

22:03

● Спокойной ночи, родная... где бы ты ни была... 😔 🥰

22:04

Ваше сообщение

2020г.

СОБЕСЕДНИК, КОТОРОГО НЕТ

Солнце уже начинало садиться за горизонт, и грядущий вечер, как обычно, не предвещал ничего интересного или необычного. Очередной «день сурка» в жизни Даши прошёл... и всё осталось неизменным, всё как прежде...

Она уже заранее могла предугадать как пройдёт и этот вечер: лёжа на диване, с телефоном в руках, на экране которого лишь бесконечный поток мемов или новостей, и никто даже не напишет и не позвонит... так пролетит время до наступления полной темноты, которой она, как обычно, не заметит, а когда поймёт, что неплохо бы включить свет – на часах уже будет пол двенадцатого, и пора ложиться спать, ведь завтра снова на учёбу...

От этих мыслей должно было стать грустно, однако, Даша уже привыкла к этому и просто лежала на диване, время от времени, тыкая в телефон или, как любил говорить папа, «давила микробов». От мимолётного воспоминания об отце она улыбнулась, но ненадолго, улыбка лишь на несколько секунд скользнула по её лицу, сменившись уже привычным выражением безразличия...

И тут, она вздрогнула...

За стеной, у которой стоял диван, раздался стук. Он был недолгим, как будто кто-то просто постучал костяшками

пальцев.

Даша оторвала взгляд от экрана и посмотрела на стену. Ничего необычного не было. Только она хотела вернуться к своему занятию, как стук повторился. Он был таким же коротким, ненавязчивым, так что складывалось ощущение, будто это просто ребёнок балуется.

Не зная, что делать, Даша подняла руку и три раза постучала в свою стену.

Воцарилась тишина...

Только девушка хотела продолжить смотреть мемы, как в ответ раздался стук, на этот раз чуть-дольше. Ей стало интересно. И тут, в голове мелькнула идея. Она тут же забила в поисковике азбуку Морзе и, найдя что искала, попыталась выстучать по стене «привет». Как ни странно, ответ себя не заставил ждать. В ответ послышалась череда постукиваний, по которым Даша кое-как поняла, что кто-то за стеной тоже поприветствовал её.

«Набираем обороты», – подумала девушка и, примерно сообразив, как надо стучать, попробовала спросить «как дела?».

Ответа не было долго. По-видимому, минут пять. Вроде бы, совсем немного, но для заинтересованного человека, иной раз, даже минута – вечность. И только Даша подумала, что «собеседник» её не понял, как в ответ, наконец, раздалась череда стуков, по которым она кое-как разобрала, что, мол, всё в порядке. Ей почему-то стало неожиданно тепло на

душе... от ощущения того, что хоть у кого-то всё неплохо в этой жизни...

Однако снова наступило молчание... Даша не знала, что ещё сказать... Точнее она-то знала, но не понимала, как можно так общаться с помощью перестукиваний, как в книжках про заключённых, которые она когда-то читала.

И тут, её вновь посетила идея. Девушка перевела свой взгляд на цифры в азбуке Морзе и, глядя на экран, стала выстукивать свой номер телефона. Она не знала поймёт ли её человек за стеной, но ей просто было интересно, что из этого выйдет. В конце концов, хоть какой-то разнообразие серых будней...

Наконец, достучала.

Снова воцарилась тишина. Минута, вторая, третья... всё тихо...

В какой-то момент Даше показалось, что ей уже не ответят, когда за стеной что-то щёлкнуло, затем последовал один стук. Она насторожилась, как вдруг, раздался телефонный звонок. Девушка вздрогнула и перевела взгляд на экран. Номер звонящего не отображался и была лишь надпись: «СКРЫТО». Не зная, что думать, она ответила.

– Алло! – сказала она, стараясь сдержать волнение.

– Здравствуйте! – послышался сиплый женский голос. –

Вы же мне выстукивали цифры по стене, верно?

Даша выпучила глаза от удивления и почувствовала, как сердце стало неожиданно сильнее биться.

– Да... да, это я...

Она прислонилась ухом к стене, но там была лишь тишина.

– Вы знаете, я так рада, что мы с вами разговариваем! Ей-Богу, спасибо, что нашли для меня время! – продолжал голос.

– Ну, что вы? – смущённо ответила Даша. – Я, ведь, тоже очень рада этому...

– Вам тоже одиноко?

– Вот, есть такое...

– И мне, – чуть ли не прошептал голос. – Даже, я б сказала, тоскливо...

– Как я вас понимаю! – сочувственно проговорила девушка. – А скажите, почему у вас номер не отобразился у меня?

Голос закашлялся, но Даша так и не услышала ничего за стеной. Похоже её собеседница ушла в другую комнату...

– Я не знаю, – чуть-тише ответил голос. – Давайте не будем об этом говорить?

– Хорошо.

– Как вас зовут?

– Даша, а вас?

– Аня, очень приятно с вами познакомиться!

– Взаимно!

– Вы знаете, но мне почему-то кажется, что вы ненамного старше меня...

– Всё возможно. Двадцать лет возраст не старческий.

- Ах, вам двадцать! А ведь мне столько же...
- Видите, как хорошо! Может тогда на «ты»?
- Да-да, конечно!
- Что ж, Аня, ты там болеешь что ли?
- Есть немного...
- Выздоровливай! В наше время болеть ни к чему.
- Согласна...
- А чего по стене-то стучала?
- А я не знаю. Мне просто скучно было.
- Видишь, как скука людей знакомит!
- Вот, да!

Они разговорились. Даша стала изливать своей новой знакомой душу – рассказала про детство, про родителей, про учёбу и про то, как ей одиноко... Аня всё внимательно выслушивала, иногда что-то говорила, старалась пошутить, время от времени рассказывала что-то из своей жизни. Так, Даша узнала, что у её новой знакомой недавно был парень, правда, что у них случилось она не стала говорить, однако, девушке спрашивать и не хотелось, мало ли – что-то личное; что ему нравилось делать ей сюрпризы, пусть даже самые банальные, а она любила его за это.

Минуты незаметно переросли в час, а за ним и второй... а девушки всё болтали, то и дело смеясь над очередной историей из жизни той или другой.

– Ну, ладно, – сказала Аня. – Тебе, наверное, уже спать пора, завтра, ведь на учёбу.

Даша взглянула на часы и с удивлением обнаружила, что уже скоро наступит полночь, а вставать надо рано.

– Ты права, – ответила она. – Выздоровливай там! Держись!

– Спасибо! А тебе удачи завтра на учёбе!

– Спасибо! Спокойной ночи!

– Спокойной!

Только Даша хотела попросить её дать свой номер, как Аня отключилась. Стучать в стену уже не хотелось.

«Надеюсь, завтра позвонит...», – подумала девушка, расстилая кровать.

Ровно в полночь она легла, но уснуть до часу ночи не могла, ибо мысли в её голове вертелись самые разные.

Утром, выходя из квартиры, Даша посмотрела на дверь квартиры рядом. Раньше она её совсем не замечала – типичная входная дверь, обтянутая красной кожей. Однако теперь она знала, что там живёт Аня, которая болеет, но которая, быть может, позвонит ей сегодня. Хотя, почему «быть может»? Она точно позвонит! Даша была в этом почему-то уверена...

Пары в институте тянулись утомительно медленно, девушка чуть не засыпала на них, хотя и старалась успевать всё писать, видимо, сказывался недосып этой ночью.

Наконец, занятия кончились! Сон как рукой сняло, и Даша, воодушевлённая, чуть ли не в припрыжку пошла домой, ведь сегодня-то вечером ей не должно быть одиноко.

Пришла в квартиру, переделалась, устроилась на диване, сжимая в руках телефон и постучала в стену пару раз. Ответа не было... и звонок не раздавался... Она постучала ещё раз – снова тишина...

Что же такое? Девушка попыталась позвонить на скрытый номер, но тщетно – вызов был невозможен.

И тут, ей снова пришла в голову идея.

Она подошла ко выходу из своей квартиры, наскоро надела первые попавшиеся кроссовки и вышла в подъезд. Посмотрела на красную дверь квартиры рядом и нерешительно позвонила в звонок. Прислонилась ухом к ней. Тишина... Снова нажала на кнопку звонка – и снова тишина...

Может быть что-то случилось?

Из квартиры напротив вышла пожилая женщина, которая посмотрела на Дашу, звонившую в эту дверь.

– Что ты звонишь-то? Нет там никого! – сказала она.

– Как нет? – непонимающе спросила девушка.

– Ну как-как? Нет и всё! Не живёт там никто уж лет двадцать как.

– Но там же девушка живёт, разве нет?

– Может ты хотела сказать «жила»?

– В смысле? – недоумённо спросила Даша.

– Ну жила там девушка двадцать лет назад. Да только убили её там, с тех пор и не живёт там никто.

– Вы шутите?

– Да уж какие тут шутки-то?

Даша в шоке вошла в свою квартиру и закрыла дверь. В голове летало просто невероятное количество самых разных мыслей. Кто был за стеной? Кто ей звонил? С кем она разговаривала? Было ли это всё на самом деле или же её разум от одиночества и тоски выдумал всё это?

Она посмотрела в историю звонков. Разговор со скрытым номером никуда не делся. Значит, это всё-таки было... но кто же тогда звонил, если человека за стеной давно уже нет?

Девушка побежала в свою комнату, открыла настежь окно и высунулась по пояс наружу в прохладу улицы, надеясь найти окна квартиры, из которой ей стучали. Она их увидела. На карнизе был обильный слой чёрной пыли, которую по непонятным причинам не сдул ветер и не смыли дожди, а сами окна были плотно закрыты от глаз чёрной тканью.

«Но там же кто-то был, раз был стук!» – подумала Даша, закрывая окно.

Не зная, что делать, она попробовала постучать в ту самую стену и прислонилась к ней ухом. Ничего, кроме тишины... Девушка попыталась ещё раз, но снова ей никто не ответил.

Даша неожиданно расстроилась, ибо решила, что просто начала сходить с ума от одиночества. Удалила из истории скрытый номер, думая, что это просто был чей-то глупый прикол и весь оставшийся день слушала любимую музыку, надеясь сгладить стресс. Ближе к ночи у неё это получилось, однако, мозг отчаянно не хотел спать, так что пришлось принимать снотворное, которое и то не сразу подействовало.

Она проспала долго. Когда проснулась, то поняла, что на пары уже нет смысла идти. Впрочем, Даша несильно расстроилась из-за этого, ибо появилась возможность всё адекватно взвесить и осмыслить, да и к тому же была пятница.

Решив поразмышлять за едой, девушка быстро оделась и пошла в ближайший магазин за продуктами. Проходя мимо почтовых ящиков, она заметила, что из-за её дверцы выглядывает какой-то лист. Даша удивилась, ибо ни от кого писем не ждала, а время платить за квартиру ещё не пришло. Подойдя ближе, она почуяла какой-то странный тошнотворный запах, похожий на запах свежей, только что разрытой земли. Затем заметила, что сам лист был в каких-то пятнах. Девушка вытащила его из ящика и обнаружила, что это был обрывок бумаги, испачканный в земле, а на нём, мелким, но довольно красивым, судя по всему, женским почерком было написано:

«Здравствуй, Даша... Я не хотела тебе об этом говорить, но ты и сама всё узнала... Меня убили в той квартире двадцать лет назад... убил мой парень... я не очень-то хочу говорить, что у нас случилось, впрочем, что сделано, то сделано. Пусть моё тело погребли, но я осталась там – внутри. На мои похороны мало-кто пришёл, знаешь, как обидно!.. А я всё ещё там, одна и не могу выйти... а ведь мне одиноко... сколько лет стучала я предыдущей хозяйке твоей квартиры – без толку, всё только ругалась зря, думая, что сверху. Ты же мне ответила, даже позвонила! Представля-

*ешь, как приятно! – за столько лет хоть с кем-то погово-
рить, послушать хоть кого-то! Теперь я, наверное, смогу
обрести покой, но только об одном прошу – приходи хотя
бы ты ко мне... пусть нечасто, но иногда... Спасибо тебе
большое!*

Аня.»

Даша в шоке перечитала записку. Потёрла глаза. Нет. Это была реальность. Она не могла в это поверить. Перевернула лист. Там было написано название кладбища и участок.

Поход в магазин сам собой отпал, так как любопытство взяло верх.

После часа езды на автобусе, она-таки добралась до нужного кладбища, которое представляло из себя мрачное зрелище, хотя какое ещё оно может быть, коль скоро здесь собранны покойники?

Попутно купила в магазине пару гвоздик и отправилась искать нужный участок.

Поблуждав среди могил, Даша, наконец, нашла его и принялась высматривать нужную могилу, хотя она и понимала, что никогда эту самую Аню не видела, а в записке не было указано какой ряд.

Она ходила между рядов, пока, всё-таки, не наткнулась на небольшую чёрную мраморную могилу, на которую был нанесён чёрно-белый портрет девушки. Это была Аня. Даты жизни совпадали с возрастом и годом смерти. Точно – это она.

Даша осмотрела памятник. Он был в пыли, мраморные плиты были усыпаны сухой листвой и травой. Лишь только портрет Ани был светлым, как будто его только что нанесли.

Девушка, как могла, смахнула пыль с могилы, убрала траву и листья и только потом положила цветы.

«Спи, – подумала она. – А я иногда буду приходить... обещаю...»

С ветки берёзы, что возвышалась рядом вспорхнула какая-то маленькая светлая птица и устремилась куда-то ввысь. Даша посмотрела ей вслед и задумчиво побрела к остановке.

По приходу домой, ей стало как-то легче на душе... как будто тяжёлый камень скатился с горы...

Ночью она спала спокойно. Лишь утром не могла понять, то ли в правду, то ли снилось, словно кто-то стучал в стену....

2015г.

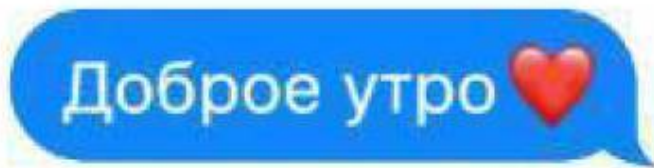
ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ГОРОДА

*Посвящается одной маленькой девочке,
что всегда меня ждала...*

Рассвет только-только начинал плавиться своими оранжевыми лучами на востоке, однако, темнота ещё не спешила отходить, хотя фонари города уже погасли. Машин на дорогах было мало, однако, общественный транспорт уже был битком наполнен людьми, ехавшими кто на работу, кто на учёбу, а кто ещё куда.

Двери станции метро ходили взад-вперёд, не останавливаясь, – народ входил и выходил – все по своим делам.

Молодой человек, подходя ко входу в метро, ненадолго опустил взгляд в экран своего телефона, где была открыта переписка, в которой в наступившем дне было лишь только одно сообщение, им же отправленное:

Ответа на него пока не было, потому как адресат ещё не появился в Сети.

«Должно быть спит ещё», – подумал он, убирая телефон в карман брюк, и вошёл в метро. Запах подземки и поездов сразу ударил в нос, а лёгкий ветерок от очередной уезжающей электрички прошёлся по его волосам.

Он спустился на перрон, и почти в этот же момент приехал новый поезд, как раз в его направлении. Парень тут же стал примечать свободные места в полупустых вагонах, и вот, когда транспорт окончательно остановился, вошёл внутрь и, осмотревшись, занял одно из них. Снова вынул телефон, посмотрел в экран. Всё ещё нет ответа.

«Доеду – потом гляну», – подумал он.

Двери вагона закрылись, и голос диспетчера невнятно объявил следующую станцию. Поезд стал набирать скорость и вскоре уже во всю нёсся по тёмным тоннелям метро. Молодой человек уставился в одну точку, задумавшись о чём-то своём, однако, вскоре его мысли были уже ни о чём, видимо, разум ещё не до конца проснулся и продолжал дремать, хотя сознание и бодрствовало.

Незаметно поезд подъехал к новой станции. Парень глянул на табло сверху – ему только на следующей выходить.

«Может сейчас глянуть? – подумал он. – Да потерпи ты! Всего-то одну остановку ещё проехать!»

Пока в его голове боролись эти две мысли, двери вновь за-

крылись, и электричка понеслась по очередным чёрным проспектам подземки. Однако на этот раз время тянулось значительно медленнее. В какой-то момент, ему показалось, что поезд замедлил свой ход, но вот уже показались стены станции, а затем и перрон.

Как только открылась дверь, он вышел наружу, попутно доставая телефон из кармана. Глянул на экран. Ответ пришёл... минутой назад:

Доброе утро

А под ним стояло уже новое сообщение:

Как ты? Как спалось? Что снилось?

Парню стало как-то неожиданно спокойнее на душе, и он стал набирать ответ на ходу:

Всё хорошо 😊

Спалось отлично, вроде, без
СНОВ

А затем добавил:

Ты как?

Как спалось?

Что снилось?

Он взошёл на эскалатор, всё ещё глядя в экран, то и дело поднимая голову, чтоб не пропустить момент, когда надо будет идти. Его собеседник спустя буквально пару секунд ответил:

У меня тоже все
Спалось прекра

Снова начал что-то набирать, однако, в этот момент парень уже поднялся, а потому оторвал взгляд от переписки. Оказавшись на твёрдом полу, он направился в переход, который должен был вывести его на другую станцию, а от неё уже надо было ехать до конечной остановки.

Снова глянул в телефон, а девушка уже написала:

В институт едешь, да?)

Он улыбнулся и ответил:

Умничка

А затем добавил:

А ты в школу собираешься,
верно?)

Некоторое время собеседник не отвечал, и парень успел уже спуститься на перрон нужной станции и стал ждать поезда, огни которого уже виднелись в тоннеле.

И тут, она стала набирать ответ. Двери вагона уже открылись перед ним, когда пришло сообщение:

И ты молодец

Он вошёл внутрь, опёрся на стену и быстро набрал:

Много уроков сегодня?

Как только он нажал «отправить» дверь закрылась, и поезд полетел в темноту подземных дорог. Сеть пропала. Для парня это не было удивлением, здесь она то появлялась, то вновь исчезала, однако, это обстоятельство всегда раздражало, потому как, чтобы прочитать ответ приходилось ждать прибытия на очередную станцию, дабы хоть чуть-чуть уловить сигнал.

А поезд всё ехал и ехал. Мелькающие в темноте трубы и редкие лампочки стали нагонять дремоту. Наконец, показался перрон. Снова появилась Сеть, а с ней и ответ, пришедший две минуты назад:

Как обычно 😊
А у тебя сколько пар? 4?

Парень поспешил набрать:

Не, слава богу, сегодня их 2

Только нажал «отправить», как поезд тронулся, оказавшись в тоннеле, а с ним и сигнал пропал.

«Блинский! – подумал молодой человек. – Как всегда, вовремя!»

Сообщение не отправлялось.

Он оторвал взгляд и перевёл его сначала на сидящих людей, большинство из которых уткнулось в такие же экраны, время от времени что-то тыкая в них; затем обратил свой взор в окно, где кроме темноты и труб ничего не было. Стены станции всё не появлялись и не появлялись...

Но вот, показался свет, послышался звук торможения столь долгожданный, некоторые люди поднялись с мест, поправляя рюкзаки и сумки. Поезд остановился, двери открылись и народ, не оглядываясь, повалил наружу, а парень вновь посмотрел на экран. Сообщение отправилось, и девушка уже строчила ответ.

«Только б успела...», – подумал он и, словно читая его мысли, появилась строчка:

О-о-о

Везёт

Молодой человек сразу же стал набирать:

А это значит

Собеседник принялся печатать ответ, когда дверь снова закрылась, и электричка тронулась.

«Сейчас опять пропадёт...», – подумал парень, однако, Сеть не пропала, что не могло не радовать.

А между тем, она уже написала:

Что ты сегодня приедешь 😊

Он набрал ответ и, убедившись, что Интернет всё ещё есть отправил:

Именно

На этот раз собеседник написал буквально мгновенно:

Кла-а-ассно 😊

Я уже так соскучилась ❤️

хотя и виделись недавно 😊

Парень улыбнулся, а на сердце как-то заметно потеплело,

и он набрал:

А я-то как скучаю по тебе
Вроде в одном городе,
рядом... а вроде так далеко...

Сеть неожиданно пропала, но сообщение успело отправиться.

«И на том спасибо!» – подумал молодой человек, и снова поднял взгляд, как вдруг, – свет, стены, перрон – новая станция. Глянул на табло – ещё одна остановка. Посмотрел на время – как раз к первой паре. Неплохо. Главное, теперь пережить эти два занятия, а потом-то всё самое милое и приятное.

Между тем, Сеть снова появилась,
а с ней и фраза в переписке:

Каждый день х
видеться 😘❤️

его умилило ещё больше, что он даже закрыл глаза... ненадолго... буквально на пару секунд, и только потом написал:

Потерпи, солн
уже... 😊😘

ответ пришло:

Скорее бы 🙇❤️❤�

Тем временем, поезд снова тронулся, стуча колёсами, но Сеть не пропадала.

«Всё равно уже скоро выходить, – подумал парень. – А там уже и пары начнутся, не до этого будет...»

Он снова посмотрел на экран и стал набирать:

Уже скоро 🙇
Ладненько, я уже почти
приехал 😊
Удачи тебе сегодня, будь
умничкой 🙄
Не скучай ❤️
Я люблю тебя 🥰

Сообщение отправилось, и буквально сразу же сигнал пропал.

«Ну а что мне? Станция уже не за горами, там и прочитаю».

Он оторвал взгляд, перевёл его на табло, на котором значилась следующая необходимая ему остановка, затем на тёмное окно, потом на тех немногочисленных людей, что остались в вагоне. Все были в своих мыслях, делах, кто-то вообще дремал, опершись на поручни, а ему было тепло на душе, ибо утро уже было хорошим, поистине добрым...

Показался перрон. Парень вышел в открытые двери, глядя на экран, на котором было новое сообщение:

Спасибо, и тебе удачи 🥰
Я люблю тебя 🥰

Он улыбнулся, убирая телефон. Теперь разум полностью проснулся от такого прилива умиления, а сознание было просто счастливо.

И вот, молодой человек выходил из темноты подземки в уже светлый город, в новый день....

2020г.

ОДИНОЧЕСТВО

Кто знает предел терпеливых ночей?

Когда ты один, значит ты – ничей.

Но, не отступит боль: пил – не прошло.

Может лучше все бросить? – Время пришло.

Г.В.Ленс

Небо было серым. Ни туч, ни облаков, ни солнца. Обычная зимняя серость вперемешку с белизной снега на земле.

Старик подсчитал, что солнца не было видно уже вторую неделю, и, хотя оно иногда и ощущалось, видно желая сгладить январский холод, показываться во всей своей красе явно не желало.

Он вышел из своей пустой квартиры в начинавшуюся вьюгу, подняв у пальто воротник, и медленно побрёл по снегу, заложив руки за спину и опустив седую, под цвет окружающей зимы, голову.

Вокруг него были облысевшие деревья с казавшейся чёрной корой, в воздухе играли снежинки, то и дело падавшие ему на волосы и ресницы.

«Что-то совсем я никакой стал. – думал старик. – Ноги вообще непонятно – то ноют, то ходят. Ну а чего ты хотел? В следующем месяце семьдесят уже. М-да... те же двадцать

лет... только с полусотней... а как бы хорошо было б, если б этой самой полусотни не было...»

Он замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. Перед глазами проплывали воспоминания. Жена, которой не было уже десять лет, их первая встреча, свадьба, дети... вся эта жизнь прошла как будто вчера, казалось – руку протяни и вот... всего этого уже не было...

Ему показалось, что глаза стали мокрыми, и он пару раз зажмурился. Стало несколько легче. Воспоминания стали затихать, а разум напомнил цель его выхода на улицу в такой холод.

Он побрёл дальше, то и дело поднимая голову, чтобы посмотреть на названия улиц. Их трудно было рассмотреть сквозь рой снежинок, который лишь усиливался.

А по заснеженным тротуарам то и дело шли люди. У всех были свои мысли, свои дела... кто-то кого-то ждал, любил, кто-то с кем-то говорил – жизнь шла своим чередом, несмотря на метель... Старик же смотрел на это, и снова перед ним проносились воспоминания о давно минувших днях, когда и он, вот также, где-то стоял в ожидании, то и дело глядя по сторонам; когда и он мог с кем-то гулять, когда было всё, и не существовало этого тоскливого, серого одиночества, ставшего его бытом...

Нужная улица показалась через пешеходный переход. Старик двинулся по нему, посмотрев направо-налево, и уже почти дошёл до конца, когда откуда-то справа ударил свет

фар машины, затем раздался звук тормозов, и грубый голос крикнул:

– Дед, ну куда ты прёшься-то?! Раскорячился здесь как корова на льду!

Старик с грустью посмотрел на машину и водителя, высу- нувшегося из окна, и побрёл дальше к нужному дому, краем уха улавливая ворчания, проклятия и звуки движения авто- мобиля.

Он подошёл к дому, который искал и, потянув на себя стеклянную дверь, вошёл внутрь небольшой светлой мастер- ской по ремонту техники.

– Добрый день! – поприветствовал клиента парень, стояв- ший за широким белым столом что-то клацая в своём ноут- буке.

– Здравствуйте! – отозвался старик, опуская воротник пальто и осматриваясь.

– Вы что-то приобрести или починить пришли? – спросил молодой человек, выходя из-за стола.

– У вас можно починить телефон?

– Да, конечно, показывайте, что там с ним.

Старик молча вынул из кармана пальто свой старенький кнопочный телефон и протянул его мастеру. Тот скептиче- ски посмотрел на него, что-то потыкал по кнопкам, разо- брал его, что-то глянул в аккумуляторе, а затем непонимаю- ще сказал:

– Хм-м... но я не вижу проблемы... он абсолютно испра-

вен. Может вам показалось?

– Исправен говорите? – переспросил старик, чувствуя, что голос его начинает дрожать.

– Да, а что, вы считаете, с ним не так?

– Если он исправен, – у него показались слёзы, но он всё старался их сдерживать, – почему никто из моих детей мне не звонит?

После этих слов он уже не мог выдержать и просто беззвучно заплакал.

Мастер озадаченно посмотрел на своего посетителя, достал откуда-то стакан, налил воды и протянул ему.

– Боюсь, здесь проблема не в телефоне...

Старик не отвечал. Он пытался пить из стакана, но вся вода лилась мимо рта попадая то на пальто, то на пол.

– К сожалению, я не смогу вам здесь никак помочь... может вы сами им позвоните? – неуверенно спросил мастер.

Старик сквозь слёзы ответил хриплым голосом:

– Так никто не отвечает...

– Слушайте, я бы рад вам помочь, но не знаю, чем. Я – не психолог, я чиню электронику вот и всё...

Клиент что-то невнятно пробормотал, вытирая глаза рукавом, а затем дрожащим голосом ответил:

– Простите, что отвлек вас... хорошего вам дня!..

Он положил свой телефон обратно в карман, развернулся, заложив руки за спину, и вышел из мастерской в объятья зимы.

Ему было тяжело на душе от осознания чувства того, что он никому не нужен, что ему никто не может помочь в его одиночестве.

Старик шёл по снегу с руками за спиной, опущенной головой, на которую то и дело падали снежинки, сливаясь с сединой волос. Вокруг были толпы народа, все куда-то шли, о чём-то болтали, смеялись и не было никому дела до какого-то одинокого деда со слезами на щеках.

Он пришёл к замёрзшему пруду. Лёд замело снегом, и только забор обозначал границу между землёй и водой.

Старик присел на скамейку и тупо уставился в белизну. Холод не ощущался, как и усталость, обычно накатывавшая на него после, даже такой короткой, прогулки. Он просто сидел, глядя на заметённый снегом лёд.

Вдруг ему показалось будто бы что-то зашевелилось. Старик перевёл взгляд чуть левее. По льду не спеша семенила чёрная собака. Он не знал, что она там забыла, что зацепило его внимание, но он стал наблюдать за ней.

Она шла, то и дело опуская голову, приносясь к чему-то и продолжала свой путь, оставляя еле-заметные следы на снегу.

И тут откуда-то послышался треск... сначала он был тихим, что старик его еле-услышал. Потом стал нарастать. Собака на мгновение остановилась и подняла голову, прислушиваясь. В эту самую секунду раздался уже громкий треск, и лёд под ней провалился, отдав её во власть чёрной, холодной

воды. Она стала барахтаться, пытаясь зацепиться лапами за кромку, но лишь ломала её.

Старик почувствовал неожиданную боль в сердце. Ему стало вдруг непонятно тревожно за неё. Руководствуясь, сам не зная, чем, он поднялся с места и, насколько позволяли ноги, быстро направился к пруду, на ходу расстёгивая пальто.

Кое-как перелез через забор и медленно побрёл по льду к барахтающейся и скулящей собаке.

Он не чувствовал страха, его тревожило невиданное волнение, которое он испытывал, пожалуй, когда его дети были маленькими и попадали в разные переделки.

Старик медленно шагал по льду, как будто забыв про то, что он ещё может треснуть под ним. До собаки оставалось буквально пару шагов, он уже тянул к ней руки, как вдруг услышал хруст, а затем неожиданно для себя почувствовал жгучий холод сначала в ногах, потом и во всём теле, а ледяная вода ударила ему в глаза. Провалился...

«Ага. – подумал он, стараясь держаться на поверхности. – Вот ты и приплыл, дед.»

Старик усиленно задышал и стал искать глазами собаку. Она была прямо перед ним, всё ещё цепляясь за край льда. Он, как мог, обхватил её тело и, собрав силы в скованных холодом руках, стал выталкивать её из воды. Сначала она опёрлась передними лапами на твёрдый лёд, а затем, оттолкнувшись задними от предплечий человека, буквально выпрыгнула на твёрдую поверхность, но отряхиваться от воды не

стала, а наоборот – развернулась к полынье и залаяла. Старик чувствовал, как силы покидают его. Он уцепился руками за лёд, на который собака только что встала, и попытался опереться на него, чтобы вынести своё тело на поверхность, но тщетно – мышцы как будто онемели, в глазах темнело. И тут, животное подбежало к самой кромке и вцепилось зубами в воротник его рубашки и начало тащить на лёд, быстро перебирая передними лапами по снегу. Старик понял, что она хочет сделать. Собрав остаток сил, он заработал ногами под водой и, наконец, вынес свою грудь из воды, а затем стал вытаскивать ноги.

Оказавшись на земле, если её можно было, конечно, такой назвать, старик стал ползти на животе к забору по своим собственным следам. Мышцы задубели, хотя в глазах перестало темнеть, и он ясно видел своё брошенное на снег пальто, и бегущую перед ним собаку.

Дед только сейчас стал всматриваться в неё. Это была обычная дворняга, с обрубленным хвостом, грязной чёрной шерстью и как будто бы порванным левым ухом, кончик которого свисал.

Старик, наконец, добрался до своего пальто и уже хотел-было завернуться в него, чтоб согреться, но тут он посмотрел на своего «собрата» по несчастью. Собака стояла на согнутых четырёх лапах, тихо поскуливая, и дрожала. Он, недолго думая, накинул пальто на неё, а затем, поднявшись на колени, попытался взять её на руки.

С ней же встал на ноги.

Собака высунула морду наружу и стала вертеть головой.

«Теперь бы до хаты дойти...», – подумал старик, переступая через забор.

Ему было холодно, вода текла с его одежды ручьями, в туфлях хлюпало, а волосы, казалось покрылись льдом. А он всё шёл по снегу сквозь усиливавшуюся метель. Редкие прохожие оглядывались на него, но ему было не до них.

«Дойти... – думал он. – Только бы дойти... не упасть по дороге...»

Стены. Здания. Окна. Всё это проходило мимо него.

Наконец, нужная улица. Знакомый дом.

Старик вошёл в подъезд и кое-как на деревянных ногах поднялся на свой третий этаж. Дрожащими руками достал из кармана пальто ключ и попытался попасть в скважину, но его слишком сильно трясло. Наконец, попал. Провернул. Квартира открылась, и в этот самый момент он упал на колени – стоять больше не было сил. Старик опустил пальто на пол, и собака выпуталась из него и снова отряхнулась.

Хозяин квартиры вполз внутрь, кое-как закрывая дверь, и попытался снять обувь. Из туфель полилась вода, а носки, казалось, уже покрылись коркой льда.

«Спасибо, что вообще живой...», – подумал он и пополз на кухню, так как она была ближе всех остальных комнат. Собака засеменила за ним.

Тепло квартиры стало его постепенно согревать, однако

руки всё ещё были буквально скованными, а всё тело трясло.

Он дополз до батареи и прислонился к ней спиной, еле чувствуя жар, исходящий от неё, и вытянул замёрзшие ноги вперёд.

«Теперь бы согреться...», – думал старик.

Собака, что-то сопя себе под нос, опустилась рядом с ним и положила голову ему на бедро.

Он опустил ладонь ей на голову, которая уже стала тёплой, хотя шерсть всё ещё была мокрой.

– И как тебя занесло на лёд-то? – хриплым голосом спросил старик.

Собака лишь просопела в ответ.

– То-то и оно...

Он уставился на своего четвероного гостя и душе у него стало как-то тепло. На лице появилась улыбка...

Собака приподняла голову и облизала руку своему спасителю, а затем посмотрела ему в лицо.

– Давай отогреемся сначала, сил наберёмся, – сказал он, – а потом уж будем с тобой думать, что есть...

А сам подумал: «Теперь уже два рта надо кормить...»

Ему всё ещё было холодно, хотя руки как будто оттаяли, однако, на сердце стало тепло, а душа радовалась, – в кое-то веке не один, в кое-то веке кому-то нужен...

А собака лежала, положив голову своему хозяину на ногу и что-то сопела себе под нос....

2020z.

УЛЫБАЙСЯ

Через серые жалюзи на, такого же цвета, стол падали оранжевые лучи уходящего солнца, которые заливали кучу различных бумаг, заполнявших почти всю поверхность.

Юрий тоскливо посмотрел в окно и продолжил их перебирать. С каждым листом ему становилось как будто бы хуже. Сплошные печати, росписи, жирный текст и вереницы больших цифр, обозначавших, естественно, цены... Он смотрел на всё это опустевшим взглядом, понимая, что, чтобы получить хотя бы половину из тех денег, указанных на одном из листов, нужно работать пол жизни... такого времени у него, конечно же, не было... да и вообще оно не было на его стороне, а чудес он уже никаких не ждал...

Юрий тяжело вздохнул и опустил голову на руку, откладывая очередную бумагу.

– Па-а-ап! – раздался мягкий детский голос за спиной.

Он посмотрел через плечо назад. На пороге комнаты стояла его шестилетняя дочь, держа за одну лапу плюшевого медвежонка, который волочился по полу. На её маленькой голове был красный берет, что носят французские девушки в кино или же художники, и который она носила вот уже целый месяц, потому как под ним не было её мягких светлых волос, ибо они просто выпали от бесконечных терапий.

– Да, солнышко, – постарался сказать спокойным голосом Юрий, и в горле у него встал ком.

Она своими маленькими шажками подошла к его столу и посмотрела ему в лицо.

– А почему ты грустишь? – нараспев спросила она всё таким же милым голосом.

– Я? – наиграно усмехнулся отец. – Не, я не грущу.

Но, видимо, ребёнок всё понимал несмотря на свой маленький возраст, ибо, приподнявшись на носках, глянул на стол.

– Это из-за меня, да?

Юрий тяжело вздохнул.

– Я ведь скоро выздоровею, правда?

Никогда он не думал, что такое произойдёт в его жизни. С кем угодно... только не с ним... а что теперь? Перед ним стоит его же дочь, задавая слишком серьёзный для её возраста вопрос, а он должен ей врать. Однако альтернативы не было...

– Да-да, конечно..., – в пол голоса ответил Юрий. – Уже совсем скоро.

– Мне не нравится, то что ты грустишь, – надулась дочь. – Пообещай, что ты будешь чаще улыбаться.

Он тяжело вздохнул, глядя на неё. От этих слов ему как будто стало хуже, а в глазах защипало...

– Ну, что же ты? Улыбайся!

Такое простое, невинное действие было как никогда тя-

жѐлым.

Ему пришлось собрать все силы, но он смог изобразить улыбку.

– Вот, видишь! – радостно сказала дочь. – Также лучше!

– Наверное, – усмехнулся отец.

– А теперь обещаю, что будешь чаще улыбаться.

Юрий взял её на руки и обнял, посадив к себе на колени.

Она обняла его за шею, и он чувствовал её маленькое сердце.

– Обещаю....

Машина подъехала к клинике, на которую Юрий посмотрел с грустью, но сдержал тяжѐлый вздох, чтобы не выдать волнения дочери, что сидела пристѐгнутая на заднем сиденье. Снова ей предстоял курс терапий, вроде как, способный помочь девочке с её болезнью, хотя даже сами врачи в это слабо верили и настоятельно рекомендовали Юрию отправить дочь на лечение в Германию или Израиль. Всё это он прекрасно понимал и очень хотел, однако, извечный вопрос цены чуть ли не доводил его до шока.

– А надолго я сюда? – спросила она.

– На неделю, солнышко, – как можно спокойнее ответил отец. – Но я буду каждый день приезжать, не волнуйся.

Девочка повернула голову в сторону здания и печальными глазами посмотрела на него. Он заметил её взгляд и спросил:

– Тебе страшно, принцесса?

– Пап, – ответила она своим детским голосом, в котором, однако, чувствовались серьёзные ноты, – я, ведь, выздоровею, да?

– Конечно выздоровеешь!

– Я хочу попросить, – начала она и посмотрела своему отцу в глаза, – если я не смогу вылечиться, ты не расстраивайся, ты и так очень грустный. Помни, что ты обещал мне улыбаться!

Уголки её рта поднялись.

– Поэтому просто улыбайся!

– Хорошо!

Они вышли из машины, и девочка взяла руку отца в свою маленькую. Он чувствовал тепло и невинность исходившие от неё, и на душе ему становилось немного легче....

На следующий день Юрий с утра приехал клинике. Он выглядел бодро, хотя и сдерживал внутреннее волнение... у него было дурное предчувствие, но непонятно почему.

Небо было затянуто облаками, и солнце едва пробивалось сквозь них.

Он уверенным шагом шёл ко входу в клинику.

И тут, Юрий заметил врача, лечившего его дочь. Тот стоял у стены здания весь взъерошенный, с щетиной, в слег-

ка помятом белом халате, с согнутой в колене одной ногой, которую упёр в стену и курил свои длинные сигареты без фильтра. Юрий обратил внимание, что у ног врача лежало уже с десяток бычков. Тот посмотрел на него хмурым взглядом, выпуская дым изо рта. Отец остановился напротив него. Врач молчал. Юрий молчал. Нависла тяжёлая тишина, так что ему показалось, будто в ушах зазвенело, а воздух стал разряжённым, как высоко в горах.

Доктор нервно бросил бычок себе под ноги, сдавил его и посмотрел в глаза Юрию. Они смотрели друг на друга с минуту. У врача в одном глазу показалась слеза. Он неловко смахнул её пальцем и достал очередную сигарету.

– На меня найдётся? – угрюмо спросил Юрий, подходя к стене.

Доктор молча протянул ему и зажёг своей зажигалкой.

Юрий раньше никогда не курил, но сейчас ему, вдруг, неожиданно захотелось...

Они стояли почти плечом к плечу у стены и дымили... Врач докурил раньше, бросил под ноги бычок и прохрипел прокуренным голосом:

– Простите нас...

Юрий сглотнул и моргнул, пытаясь сдержать накатывавшиеся слёзы.

– Пойдёмте, я вас провожу..., – угрюмо сказал доктор.

Юрий стоял перед зеркалом в ванной и смотрел на своё лицо.

«Давай, дружище, – думал он. – Ты сможешь! Ты обещал ей!»

Он шевелил губами, но они не слушались его.

«Давай же! Ну!»

Уголки рта поднялись, и губы наконец образовали дугу, похожую на улыбку.

«Хоть как-то...»

Он вышел из ванной, оделся, взял со стола пару роз и пошёл к выходу из квартиры. У самой двери Юрий почувствовал, как защипало в глазах и носу, а губы задрожали.

«Так! Соберись! Ты сможешь! Ты обещал ей!»

Он закрыл глаза, опустил голову.

Перед ним появилась его дочь, сидящая за столом, на котором стоял торт с шестью свечками.

– Ну, что, – сказал отец, улыбаясь, – задувай! Не забудь желание загадать!

– А я одна не смогу, ты поможешь мне? – ответила девочка.

– Конечно!

Он выключил свет в комнате, так что только огонь от свечей освещал её. Она тут же начала их задувать, но воздуха не хватило, и пара ещё осталась гореть. Отец быстро подошёл

к столу и дунул на них. Погасли!

Девочка захлопала в ладоши и, выйдя из-за стола, обняла папу и прижалась к нему головой.

– Как же я люблю тебя, папочка! – сказала она.

– И я тебя, принцесса! – ответил он и улыбнулся. – Что же ты загадала?

Девочка подняла голову и посмотрела на отца.

– Чтобы мама вернулась...

Он поднял её на руки и прижал к себе. Она обняла его за шею.

– И я бы этого хотел...

Ему стало легче, а губы снова стали послушными. Юрий постарался улыбнуться и вышел из дома.

На улице было солнечно, в небе не было облаков, а природа расцветала во всей своей прелести.

Он шёл по асфальту с двумя розами в руке и, как мог, улыбался. Проходящие люди смотрели на него и удивлялись все по-разному.

– Счастливый, – говорили одни.

– Сумасшедший, видать, – шептались другие и переходили на другую сторону дороги.

А он всё шёл и шёл, пока не пришёл, наконец, к чёрному забору, за которым виднелись мраморные плиты и памятники.

Юрий шёл среди них, глядя по сторонам. За два года он

так и не привык находить нужную. Наконец, отыскал. Маленькая могила из чёрного обтёсанного мрамора, на которой не было изображения покойника, а лишь имя и годы жизни, по которым нетрудно было понять, что лежит там ребёнок... всего лишь шесть лет...

Он остановился напротив неё и грустными глазами, под которыми всё ещё была улыбка, посмотрел на могилу.

– Здравствуй, солнышко!.. – прошептал он. – Тебя нет два года, и я скучаю по тебе... но я улыбаюсь, как и обещал тебе тогда...

Юрий подошёл ближе, опустил на колени и положил у подножия розы, которые его дочь так любила.

Положил руку на край памятника и упёрся в него лбом, закрыв глаза... из них стали течь слёзы, что катились по щекам и падали на мрамор...

Ему верилось, что где-то там дочь чувствует тепло его ладоней и видит его улыбку, пусть даже сквозь печальные глаза. Отцу было тяжело улыбаться, но он, для себя осознал, что, возможно, ей от этого будет легче Там... а, ведь, он пообещал...

В голове эхом звучал её голос, говоривший:

– Мне не нравится, то что ты грустишь. Пообещай, что ты будешь чаще улыбаться. Улыбайся!

Юрий не знал сколько он так просидел. Однако когда ноги затекли пришлось подняться.

Выходя с кладбища, отец обернулся, но отсюда не было

ВИДНО МОГИЛЫ.

Ему было тоскливо, но легко на душе, ведь он всё ещё сдерживал своё обещание... последнее, что он дал дочери... он уходил с кладбища и, как мог, улыбался....

2020г.

В НИКУДА

Любите собак, они не задают вопросов...

Л.В.Шебаршин

Солнце было белым на фоне серого, даже, скорее, чёрного неба с небольшими облаками на нём. Всё вокруг было светло-серым, кое-где даже начинало белеть от наступающей зари.

Пашка никогда не понимал почему люди так искренне восхищаются этим непонятным белым шаром, что поднимается каждое утро откуда-то оттуда и греет всё вокруг, чтоб потом исчезнуть где-то там – в противоположной стороне. Вот же делать ему нечего!

Он окинул взглядом местность. Трава, плитка, крыльцо, дом. Ничего не поменялось, ничего не произошло, значит, и с хозяевами всё хорошо – это уж точно!..

Иван кое-как поднялся с кровати, продирая глаза. Уставился в окно. Лучи солнца падали во двор, делая траву светло-зелёной, от чего она казалась более свежей. Он наклонил корпус влево, увеличивая угол обзора, и увидел такую зна-

кому, можно даже сказать, родную фигуру животного. Да разве ж то животное? Он скорее больше... как человек, только с хвостом, и который не задаёт вопросов. Лучший психолог в мире, не иначе!

Он пошёл умываться, в тайне надеясь, что жена во сне забыла про их вчерашний разговор насчёт Пашки...

Только-только Иван вытер лицо, как увидел на пороге ванной Анну, которая стояла, облокотившись на проём скрепив руки на груди.

– А где «доброе утро»? – мило улыбнулась она.

Иван улыбнулся в ответ, а на душе стало легче – кажется, забыла... кажется, отошла....

– Доброе утро! – отозвался он, подходя к ней. – Как тебе спалось?

– Но-но! – подняла она указательный палец вверх. – Ты же не забыл, нет?

– Про что? – сыграл недоумение муж.

– Про Пашу!

Анна опустила руки и наигранно закатила глаза.

– Ты обещал вчера, что его не будет в нашем дворе больше!

– Обещал... обещал..., – поникшим голосом ответил Иван и направился на кухню.

Пашка всё ещё лежал на траве в тени своей конуры, ибо уже весь двор был залит этим серым светом, что грел, однако, он уже по опыту знал, что вскоре ему станет невыносимо жарко, так что лучше переждать в тени, пока она есть.

Тут, дверь дома открылась и из неё показался... хозяин! С поводком!

Пашка радостно подскочил, потому что это значило только одно: гулять! Что может быть лучше? Даже жара уходит на второй план!

Он подбежал к хозяину и сел перед ним в ожидании.

Иван грустно улыбнулся, надел на своего пса ошейник, погладил по голове, отводя взгляд, а затем сказал:

– Ну, что, Палыч, пойдём?

Пашка вскочил на лапы, глаза его сияли.

– Пойдём, пойдём гулять. Пойдём...

Он взял в руки поводок, и они двинулись к воротам, у которых стояла машина. Здесь хозяин остановился, открыл дверь, и пёс послушно запрыгнул на сидение рядом с водителем. Иван сел за руль, оглянулся, затем посмотрел в глаза Пашки, которые преданно и по-детски весело смотрели на него. Он тяжело вздохнул и завёл машину...

Машина вырулила из посёлка на трассу и помчалась по ней. Иван приоткрыл окно, чтобы Пашка мог высунуть го-

лову, ведь ему это нравилось. Так случилось и сейчас – пёс опёрся передними лапами на дверцу и, высунув язык, высунулся из окна по шею. Чёрно-белый мир нёсся перед ним, а ветер приятно трепал шерсть на голове. Всё шло как нельзя лучше!

Но вот, машина остановилась на обочине у одного из фонарных столбов, за которым было чистое белое, в глазах собаки, поле, которое на самом деле было золотистым от пшеницы.

Дверь открылась, и Пашка выскочил на землю и уставился на человека. Иван тяжело вздохнул и принялся что-то делать с поводком и фонарным столбом. Пёс ничего не делал, лишь смиренно сидел и ждал, когда его поведут гулять. Однако хозяин лишь сел перед ним, глядя в карие глаза, обнял его, затем поднялся, погладил по голове и сказал дрожащим голосом:

– Прости, если можешь...

Пёс ничего не ответил, а просто продолжал сидеть на месте, ожидая, что сейчас его поведут гулять.

Иван сел в машину. Снова посмотрел на Пашку. Сердце его колело... пять лет он жил с ним, вместе они пережили смерть первой жены, и вот теперь приходится вот так прощаться... Он просто надеялся, что пёс сможет перегрызть ремень поводка и сбежать... только куда ему бежать? В лес? Так он погибнет. Только до ближайшей деревни... и то, если не загрызут... Всё это было неправильно, но Иван уже ничего не мог поделать... Он завёл мотор и поехал дальше

по трассе до разворота, однако, добравшись до него, решил свернуть на просёлочную дорогу, чтобы просто не видеть своего пса... ему и так было слишком тяжело....

Пашка всё ещё сидел на земле у столба. Ему уже было жарко, но он всё ждал, когда же хозяин вернётся. Он просто уехал куда-то, конечно же вернётся, по-другому и быть не может же!

Но мимо него проезжали машины. Почти все одинаковые. Ни одна не остановилась. Где же хозяин?

А между тем, белый шар на небе начинал уходить куда-то за поле и становился серее, серее, пока вообще не исчез, и мир не стал совсем чёрным.

Хозяина всё не было. Что же случилось? Забыл? А может беда дома случилась? Что же он тут делает? Пашка попытался сделать пару шагов, но ремни прочно держали его у столба. Он попытался ухватить его зубами, но всё никак не мог извернуться. Тогда пёс, как мог, натянул ремень, а затем резко развернулся и схватил его челюстями. Поймал! Искусственная кожа грызлась туго, казалось, будто всё тщетно, у Пашки уже болели клыки, когда наконец... он почувствовал, что его шею больше ничего не тянет... Поводок всё ещё был привязан к столбу, а перед ним тянулся обрывок ремня, а второй обрывок был на шее у Пашки... Свобода! Но куда же

идти? Какое-то неведанное чувство подсказывало ему дорогу... и точно, оттуда его привёз хозяин!

Он бежал вдоль дороги, опасаясь на неё выходить, хоть и знал, что машин нет, но всё же был осторожен.

Вдруг откуда-то показался свет, а за ним и белая машина, которая остановилась рядом с Пашкой. Он с удивлением встал на месте и посмотрел на неё. Из кабины вышел какой-то человек, от которого несло каким-то непонятным запахом... и тут он понял... это был запах смерти...

Пашка оскалился и зарычал, чего раньше никогда не делал, но сам не понимал почему сейчас он так делает. Человек лишь приблизился к нему и ударил чем-то по голове. Мир потух....

Он очнулся в тусклом помещении, в котором пахло другими собаками. Нюх не подвёл, ибо рядом в клетках лежали или скулили другие, похожие и не похожие на него животные. Вдруг он осознал, что сам сидит в такой же клетке. Надо было что-то делать...

Пашка подполз к одной из стен, которая как-то отличалась от остальных прутьев и попытался толкнуть её носом. Не поддалась. Заперли надёжно. Он толкнул ещё раз, но тщетно. Прутья даже не сгибались от его усилий.

Тогда он попытался как-то надавить на них передними лапами. Всё бесполезно. Оставалось только ждать чего-то

неизвестного, однако, ему не давал покоя этот запах смерти, доносившийся из кабины....

Машина проехала сквозь открытые решётчатые ворота с колючей проволокой, рядом с небольшим кирпичным КПП и остановилась подле такого же двухэтажного длинного здания.

Шерсть Пашки встала дыбом, когда открылась дверь кузова и клетки стали выгружать, ибо запах смерти усилился. Всё это место было пропитано им, а потому пёс стал ещё больше толкаться в решётку своей тюрьмы.

Вдруг человек, выгружавший клетки, зацепил чем-то ту, в которой сидел Пашка, и она вылетела на землю. От удара дверь отлетела. Пашка упал на спину, однако, завидев землю без ограды клетки, пулей вылетел из неё, переворачиваясь в воздухе, и помчался к КПП. Сзади слышались крики, ругань и лай собак, но пёс убежал. Он не боялся этих людей, этих животных... однако запах смерти пугал его до боли в голове, а потому он бежал... бежал...

С размаху влетел головой в дверь КПП, которая резко раскрылась перед ним, и пролетел под какими-то железными штукаами, нависавшими над ним, но впереди была ещё одна дверь, которая, к счастью, была открыта, так как её подпёрли камнем из-за жары.

Пашка бежал так быстро, как никогда раньше не бегал. Сзади всё ещё слышались крики, раздались выстрелы... жгучая боль пронзила его заднюю лапу... Он слегка заскулил, но продолжил побег, ибо страх пересилил боль.

Пашка не понимал и сам сколько пробежал. Всё это время в глазах была лишь серая земля, а в носу бился запах крови, вперемешку с запахом смерти, железа и ещё какого-то, который он не знал. Наконец, он остановился, когда показалась небольшая река. Пёс узнал её – сюда хозяин водил его купать. А где же он сейчас? Что с ним? Надо срочно что-то делать, надо его найти! Только Пашка попробовал скакнуть вперёд, как боль в задней лапе пронзила всё его тело так сильно, что он взвыл и принялсялизывать рану, в которой, помимо вкуса крови, чувствовалось железо, застрявшее в ней. И тут, пёс перевёл взгляд на реку. Она-то ему и поможет! Он подполз к воде и встал всеми лапами в неё. Рану сначала обожгло холодом, но потом боль начала спадать.

И тут, Пашка понял, что это за неизвестный запах был... это был запах надежды... он сбежал от смерти, значит и хозяина найдёт и всё будет в порядке!..

Только бы его найти...

Пашка вышел на берег и засеменял по знакомой дороге, которая становилась светлее из-за белого шара, поднимавшегося откуда-то оттуда....

Лучи солнца пробрались сквозь стёкла окон на кровать и с каждой минутой скользили всё дальше по одеялу, пока не добрались до лиц.

Анна лишь перевернулась на другой бок, накрыв плечи одеялом, а вот Иван открыл глаза и некоторое время просто смотрел в потолок. Ему не хотелось подниматься и глядеть в окно, ведь он знал, что двор опустел и его там никто не ждёт. Однако всё время лежать тоже было нельзя, а потому мужчина сел на кровать, продирая глаза... и оторопел... Во дворе возле своей будки, которую он ещё не успел убрать, сидел Пашка! Как ни в чём не бывало! И зализывал заднюю лапу...

Сначала Иван не поверил и решил, что ему это чудится после сна, а потому протёр глаза ещё раз и быстрым шагом пошёл умываться. Выйдя из ванной, снова подошёл к окну. Нет. Ему не чудилось. Это был его пёс, его Пашка, который смог вернуться домой. Иван почувствовал, как у него защипало в носу, так обычно бывает перед слезами. Он буквально выбежал во двор, навстречу встрепенувшемуся и мгновенно поднявшемуся Пашке. Ему хотелось кричать от радости, но он не мог. Мужчина просто обнимал за шею своего пса, а тот, в свою очередь, просто стоял, улыбаясь своей собачьей улыбкой и понимал, что с хозяином всё хорошо....

И тут сзади с крыльца послышался женский голос:
– Ваня-я-я!

Иван обернулся и увидел свою жену, стоявшую на верхней ступеньке и скрестившей руки.

– Представляешь, – радостно улыбаясь начал он. – Пашка сам вернулся!

– Это-то я вижу, – с укоризной ответила Анна. – Но ты же обещал...

– Что же я могу поделывать? Он сам вернулся, значит так надо... значит свой..., – пожал плечами Иван.

– Ну уж нет! – возмутилась жена. – Не получилось с ним по-хорошему, пусть же будет по-плохому!

– Ты о чём это? – недоумевал он.

– Застрели его!

Иван побледнел.

– То есть как это?!

– А вот так! – продолжала Анна. – Возьми своё ружьё и застрели! Что, я тебя учить ещё должна?

У Ивана пробежала дрожь по спине. Он посмотрел сначала на Пашку, а потом на жену.

– Я так не могу, – начал он. – Что он, зверь какой-то что ли, в конце концов? Он же наш пёс, он же, как человек...

– Не путай божий дар с яичницей, пожалуйста. Не ты, так я застрелю!

С этими словами Анна решительно направилась вглубь дома. Иван рванулся с места и побежал за ней. Они дошли до сейфа с ружьём.

– Ну так, что? – спросила жена. – Ты или я, всё-таки?

Иван тяжело вздохнул:

– Я...

Он открыл сейф, вынул коричневое с серебристыми металлическими вставками ружьё и вставил два патрона.

– Одного хватит, – сказала Анна.

– Вдруг промахнусь, – угрюмо ответил Иван и вышел на крыльцо.

Пашка неподвижно стоял у нижней ступеньки и продолжал улыбаться, когда в воздухе снова появился этот непонятный запах... запах смерти...

Хозяин посмотрел на него грустным взглядом и сквозь слёзы сказал:

– Прости, дружище...

Раздался выстрел и лёгкий всхлип... Затем последовал второй, сопровождавшийся грохотом падающего ружья и треском человеческих костей....

2021 год.

ШАХМАТЫ

Посвящаю памяти моего деда...

*Ветер опять стучит в мой дом,
Одиночество лезет в каждую щель
И на простой вопрос: "за что?!"*

Не могу я найти ответ...

К.Ш.Меладзе

В ноябре темнота на город спускалась незаметно и очень рано, что иной раз смотришь на часы – едва пол четвёртого, а такое чувство, будто уже восемь вечера. Люди старались попасть домой или же просто сидеть где-нибудь в светлом помещении, убивая время за чем бы то ни было.

Меня же в такие моменты почему-то начинал мучать голод. Я не боялся тёмных улиц, а время убивать просто не нужно было, потому что я банально становился голодным – какая тут может быть скука?

В общем, как и обычно, когда на город стал опускаться мрак, я уже стал думать где бы, что поесть. «Ночным дождём» это, конечно, не назовёшь, хотя чисто внешне и со стороны очень похоже.

И вот, я шёл по мощёной дороге, освящённой фонарями в

старинном стиле, среди небольших стареньких зданий, которые, в основном, были разными магазинами. Людей вокруг было немного: кто фотографировался, кто куда-то торопился, а кто просто курил, опершись на стену. Всё это было, безусловно, атмосферно, только атмосферой сыт не будешь, как известно.

И тут перед глазами появилась жёлтая английская буква «М» на красном фоне, что была над навесом одного из зданий. Конечно, не самый лучший выбор с моей стороны, но голод, как говорится, не тётка, так что даже «Макдоналдс» был уже хоть чем-то.

Я вошёл внутрь, заранее решив, что много брать не буду. Обойдусь картошкой, запью чем-нибудь, а там до дома уже – самое то.

Людей внутри было немного, а потому почти все столики были свободны. Я подошёл к кассе, оформил заказ, оплатил и уже собирался развернуться, чтобы оценить куда садиться, когда девушка-кассир меня спросила:

– Вы торопитесь?

Я немного удивлённо ответил:

– В общем-то, нет, а что?

– Вы не могли бы присесть вон к тому дедушке?

Она кивнула в сторону одного из столиков у окна, за которым сидел лысый пожилой человек с печальным взором в старомодной рубашке и коричневом жилете, а перед ним на столике стояла шахматная доска с фигурами на ней.

– Понимаете, он приходит сюда последние три дня, – продолжила девушка, – и сидит здесь до вечера, предлагая всем сыграть с ним, а никто не соглашается, все просто уходят. Сказать по правде, мне жалко его...

– А может он шарлатан? – как бы предположил я.

– Ой, – сморщилась девушка, – как вы можете так думать? Ну, не хотите – не надо, ваше дело...

– Ладно, – пожал плечами я. – Посмотрим.

Я направился к этому столику и остановился. Старик был неподвижен и не замечал меня, хотя я стоял прямо перед ним.

– Здесь не занято? – спросил я.

Дед встрепенулся, поднял голову и посмотрел на меня своими старыми зелёными глазами, чем-то напоминавшие черепахи. Они тут же преобразились, наполнившись надеждой, а рот расплылся в искренней и очень милой старческой улыбке.

– Нет-нет, садитесь, пожалуйста! – пригласил меня он.

Я сел напротив и уставился на доску. Я не знал, что дальше говорить и не знал надо ли предлагать играть. Старик опередил меня:

– Хотите сыграть?

При этих словах его голова скосилась чуть-чуть влево.

– А давайте, – ответил я и украдкой взглянул на кассу. Девушка, что меня обслуживала, облегчённо улыбалась.

– Какими предпочитаете? – учтиво спросил старик.

– Без разницы, – ответил я. – Я уже давно не играл.

– Тогда, вам, наверное, удобнее будет чёрными.

– Должно быть.

Он развернул доску белыми к себе и, после недолгих раздумий, сделал ход конём.

Игра началась и довольно быстро переросла в достаточно напряжённую партию, ибо старик перекрыл мне все возможные ходы. Стоило мне съесть слоном его коня, как я тут же подвергнулся атаке ферзя и ничего не мог с ним поделать, потому как он был в недосягаемости. Дед явно знал своё дело и оставался при этом совершенно спокойным, в то время, как я даже куртку повесил на стул от жары и прям извертелся весь на нём. Мой заказ принесли минут десять назад, но я к нему даже не притронулся, азарт «боя» поглотил меня, и я судорожно, в буквальном смысле, в поте лица старался просчитать все возможные ходы, хотя и понимал, что на вряд ли смогу выиграть.

– И много людей соглашаются с вами сыграть? – решил я хоть как-то разрядить обстановку.

– Знаете, – прокашлялся от длительного молчания старик, – вы первый за эту неделю.

Он улыбнулся.

– Если б вы знали, как я счастлив!

– От того, что я проигрываю? – съязвил я.

– Ну, что вы? – дед искренне удивился. – Просто, как вам сказать... мы ведь с вами совершенно незнакомы, и с мое

стороны будет как-то неприлично так много о себе говорить, но...

– Да ладно вам! – перебил я его, делая очередной ход.

– Знаете, я остался совершенно один, – начал старик, и голос его стал грустнее, но от этого же мягче. – Мои дети уже давно умерли, понимаете, нехорошо это, когда родители хоронят своих детей, значит Бог за что-то наказал, знать бы только за что?.. Сын погиб на войне двадцать лет назад, у дочери тромб оторвался пять лет назад...

Я заметил, как его глаза стали влажными, но он моргнул и долго держал их закрытыми, видимо, чтобы затянуть подступавшие слёзы обратно.

– И жена умерла год назад..., – продолжил старик, делая ход. – Представляете, я просыпаюсь утром, включаю телефон – ни сообщений, ни звонков пропущенных, и в доме так тихо-тихо...

– Что же тут плохого? – спросил я.

– Да понимаете, вы молоды, вам сейчас нравится одиночество, а когда ты уже пожил, то понимаешь насколько привык к людям, особенно близким, и как без них, всё-таки тяжело... Просто даже поговорить не с кем, кроме официантов и продавцов в магазинах, вот я и сижу здесь, потому что я уже просто не знаю, что делать... Только кому я нужен со своими шахматами, ещё и старый? У всех же свои дела, свои заботы, я им, честно говоря, завидую, ведь их, наверное, кто-то ждёт....

– Грустно, однако, – нашёлся я что-то сказать. – А почему бы вам не завести собаку, например?

Дед улыбнулся.

– Знаете, я думал об этом, это было бы замечательно, да, боюсь, помру, а что тогда с ней станет? В приют заберут, усыпят – грустно всё как-то...

Старик потёр пальцами глаза, которые снова стали влажными и немного покраснели.

– А тут вы ко мне сели, да ещё и сыграть согласились, – продолжил он веселее, – знаете, как приятно, что я хоть с кем-то ещё общаюсь, кроме официантов и продавцов? Прямо, как будто и не такой одинокий!..

– Понимаю, – улыбнулся я, делая жалкую попытку напасть на короля ферзём, понимая, что сейчас буду съеден ладьёй.

– Ну, зачем же так? – усмехнулся дед. – Вы же можете мне сейчас мат поставить! Поставьте ферзя рядом и всё, мне некуда от него деться.

И действительно, я совершенно не замечал, что у меня ещё целая ладья и слон живые, которые, к тому же, блокировали его королю ход.

– Да нет, – ответил я. – Сглупил, так сглупил, чего уж тут?

– Ваше право, – снова улыбнулся старик и протянул мне свою шершавую руку. – Сойдёмся на ничье?

– Конечно, – ответил я, протягивая руку в ответ.

Я посмотрел на время, понимая, что просидел почти два часа, о чём я сообщил своему оппоненту.

– Как же быстро время летит! – сказал он. – Пожалуй, и я пойду домой после такой-то партии.

Старик подмигнул мне и стал собирать фигуры.

Мы вышли одновременно и пошли в одну сторону сквозь совсем тёмные улицы и по мокрому асфальту, в лужах которого, отражались фонари. Я немного помялся, но в итоге спросил:

– Если вы где-то здесь живёте, то я могу к вам завтра прийти и сыграем?

Глаза деда буквально сверкнули в темноте, а на лице засияла улыбка, которую, пожалуй, можно было сравнить с детской.

– Да, конечно! Я буду только рад! Вы не представляете насколько я вам благодарен! – ответил старик бодрым голосом.

– Значит завтра к полудню приду.

– Договорились!

Мы дошли до обычной оранжевой многоэтажки и остановились у одного из подъездов. Он сказал мне свой этаж и квартиру, вновь пожал мне руку и поднялся по ступенькам. Старик обернулся ко мне у двери, в глазах его виднелась печаль, но на лице была улыбка:

– Спасибо вам большое за игру! Было очень приятно! Надеюсь, придёте завтра.

– Конечно! – ответил я и направился к метро.

В вагоне я старался проникнуться словами старика, вспоминал его глаза и голос, как они менялись, когда речь захо-

дила о прошлом и его настоящем. Вот, ведь, как одиночество бьёт по людям...

На следующий день, к полудню, я приехал на эту улицу, к этому подъезду, дверь которого была открыта, и я поспешил забежать внутрь, так как шёл довольно сильный дождь. Поднялся на нужный этаж, нашёл названную квартиру, позвонил. Ответа не было. Позвонил ещё раз – снова тишина. Постучался... дверь оказалась открытой... Я почувствовал что-то нехорошее в воздухе и вошёл внутрь.

Простая квартира с серыми стенами и белыми потолками – ничего лишнего, да и не нужно было старику это лишнее в его-то годы. На полу лежала раскрытая шахматная доска и разбросанные вокруг фигуры, которыми мы вчера играли. Его ботинки лежали как-попало, не расшнурованные... Точно что-то случилось... Я прошёл за угол, где увидел небольшую комнату, в которой сразу же был виден диван... на нём лежал мой вчерашний оппонент в своей куртке и рубашке и уличных брюках, в которых он вчера сидел... Его лысая голова покрылась бело-красными пятнами, губы и пальцы на руках посинели... Всё было ясно и без проверки пульса, ему стало плохо, когда он вошёл в квартиру, от того и шахматы разбросаны, только и успел, что до дивана дойти...

Я вызвал скорую, а сам сел на стул напротив и посмотрел на деда. Ничего уже не осталось от него вчерашнего, что я видел: ни грусти, ни счастья от неожиданного собеседника – ничего. Я осмотрелся. В квартире было душно, окна почти

полностью закрыты шторами... Только в этот момент я стал понимать какво ему было в последний год – просыпаться здесь в полном одиночестве и понимать, что уже ничего не случится...

Я так и не узнал, как звали того старика. Даже, когда приехала бригада и участковый, который нашёл его паспорт, я как-то прослушал этот момент. Всё прошло быстро...

Как-то раз, когда я снова к вечеру возвращался домой и зашёл в «Макдоналдс» и сделал небольшой заказ, я зачем-то обернулся пока мне отсчитывали сдачу. На одном из столиков подле окна стояла простая шахматная доска с расставленными на ней фигурами, но никто за ним не сидел...

Я присел за столик напротив, ожидая, что кто-то придёт. Вот уж и мой заказ принесли, я доел и собирался уходить. За столиком было пусто... лишь одинокие шахматы стояли на нём, а в голове прозвучал знакомый голос: «Знали бы вы, как я счастлив!..»

2021 год.